

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 7 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—30 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Почта въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печиской.

Всѣ деп. и доставки безъ извѣщаній, гонимыхъ, считаются безплатными, т.

Матеріалы рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1901 г. V годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 23 Декабря

СОДЕРЖАНИЕ: Къ истекшему пятилѣтію.—Московскія пьесы ма. П. Ярица.—Хроника театра и искусства.—Музыкальныя замѣтки. П. Ки—скаго.—У камина (разсказъ) Ното новис.—Въ вагонѣ. Lolo.—«Исполненный долгъ». С. Шевич.—Тайна. Н. Бренко.—Бренковское.—Театральныя замѣтки. А. К—ал.—Письмо изъ Кіева. Н. Николаев.—Провинціальная лѣтиспись.—Объявленія.—Оглавленіе статей и рисунковъ «Театра и Искусства» за 1901 г.

Рисунки: 2 рисунка изъ «Scatsch'a».—«Комета», (3 рис.) А. Ростиславова.—«Дѣти Ванюшина» (3

№ 52.

паржа) О. Добролюбова.—Новая опера Рих. Штрауса.—«Вечеръ оперетокъ» (5 рис.), А. Любимова и С. Панова.—«Зеленый попугай», рис. С. Панова.—Г. Ге въ роли Домбровича («Лишенный правъ»), А. Любимова.—Н. Сазоновъ и Лядова въ «Прекрасной Еленѣ».—«Миліоны въ огнѣ» (шаржъ).

Портреты: Г-жа Ольгиной, Ильиарской, гг. Найденова, Тибо, Вюльмерса.

Приложеніе: Ноты, №№ 10, 11 и 12. «Баркаролла», романсы С. Юфериной и Л. Готы; 7-й выпускъ «Словаря сценическихъ дѣятелей (буква З.).

Открыта подписка на 1902 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

52 №№ журнала, 20 пьесъ, 12 вып. Библіотеки, 12 нотн. приложеній, выпуски Словаря сценическихъ дѣятелей.

ГОДЪ (съ 1 января) 7 РУБ.

ПОЛГОДА 4 РУБ.

Разсрочка: при подпискѣ—3 руб.; 1 апрѣля—2 руб.; 1 июля—2 руб.

Подписка въ разсрочку принимается исключительно въ главной конторѣ журнала, Моховая, 45.

Въ 1902 г. будутъ, между прочимъ, напечатаны: новая комедія Вл. И. Номировича-Данченко, «Дѣти Ванюшина» пьеса въ 4 д. С. А. Найденова (удостоена премии на конкурсѣ Литерат.-Худож. Общества), «Волшебникъ» пьеса въ 4 д. П. М. Ярица (удостоена премии на конкурсѣ Литературно-Худож. Общества), «Русалки», комедія въ 4 д. Ю. И. Безродной (удостоена премии на конкурсѣ Литературно-Художественнаго Общества) «Выдержанный стиль», ком. въ 4 д. «Ш безумный», пьеса въ 5 д. гр. Л. Л. Толст. «одноактная пьеса». «Каръ» И. А. Грипневской, «Вѣрочка» Рыбакова и мн. др.

№ 1 за 1902 г. выйдетъ 1 Января.

Къ № 1 будетъ приложена пьеса въ 4 д. С. А. Найденова «Дѣти Ванюшина».

С.-Петербургъ, 23 Декабря 1901 г.

Настоящимъ номеромъ заканчивается 5-лѣтіе нашего изданія. Срокъ небольшой для органа печати, вообще, но весьма значительный для изданія, вродѣ нашего. Театральныя изданія, увы, не отличались долговѣчностью, и въ этомъ заключается отчасти причина тѣхъ трудностей, которыя приходится продолжать при возникновеніи всякаго новаго изданія: необходимо бороться съ недовѣріемъ читающей публики, и медленно, годъ за годомъ, разубѣждать ее. Быть можетъ, еще не приспѣла пора посвящать читателей въ перипетіи этой борьбы, и когда нибудь, если доживемъ, мы займемся этою назидательною повѣстью. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: едва-ли какое-либо другое изданіе требуетъ такой затраты силъ.

Одинъ весьма извѣстный и умный журналистъ доказывалъ намъ, при самомъ возникновеніи изданія, что затѣя наша несбыточная и праздная, и въ доказательство сослался на примѣръ Западной Европы, гдѣ такого рода и типа изданій не существуетъ. Дѣйствительно, всѣ такъ называемыя театральныя изданія на Западѣ служатъ или цѣлямъ посредничества, замѣняя дѣловые листки, или представляютъ роскошныя иллюстрированныя изданія, принадлежащія первокласснымъ типографскимъ фирмамъ и свидѣтельствующія о блестящей техники печатнаго дѣла. Распространеніе ихъ въ салонахъ объясняется не текстомъ и даже не рисунками, т. е. работою художниковъ-иллюстраторовъ, но великолѣпно исполненными клише съ фотографій. Текстъ не возвышается надъ уровнемъ легкомысленныхъ листовъ бульварной печати. Имѣются, впрочемъ, и изданія болѣе серьезныя, напримѣръ «Révue d'Art dramatique», но и эти послѣднія даютъ сравнительно мало цѣннаго матеріала.

Таковъ „опытъ народовъ“. Тѣмъ не менѣе, мы продолжаемъ думать, что у насъ, въ Россіи, требуются изданія того типа, котораго не знаетъ Западъ. Во-первыхъ, театръ, а тѣмъ болѣе искусство не являются для публики только развлеченіемъ, забавою, „игрой“, важной въ цѣляхъ физическаго и моральнаго благополучія, какъ опредѣляетъ сущность эстетическихъ эмоций Гербертъ Спенсеръ. Если это и „игра“, то ей принадлежитъ слишкомъ замѣтная роль въ русской жизни. Человѣкъ—существо общительное, зоополитикон, по выраженію Аристотеля. Въ русской же жизни все сложилось такимъ образомъ, чтобы помѣшать проявленіямъ присущей человѣку общительности. Суровый климатъ, широкія малозаселенныя пространства, отсутствіе организованныхъ учреждений гражданскаго союза—все это препятствуетъ проявленіямъ общительности. Искусство и въ особенности театр имѣетъ у насъ не одну лишь цѣль увеселять, разнообразить и улаживать жизнь, возстановляя игрой утраченное равновѣсіе физическихъ и нравственныхъ силъ, но и выполняетъ задачу болѣе обширную, содѣйствуя общительности и общенію людей. Отсюда—возможность вопросовъ искусства, не только практическихъ, но и теоретическихъ. Антиподы общественныхъ идеаловъ и стремленій—обыкновенно также и антиподы эстетическихъ взглядовъ. Самыя жаркія схватки между несогласными представителями русской мысли всегда происходили, такъ сказать, на поляхъ эстетики. Нужны-ли примѣры? Надо-ли называть Бѣлинскаго и Шевырева, Писарева и Антоновича, Герцена и Тургенева?

Такимъ образомъ, быть можетъ, дѣйствительно только у насъ, по свойствамъ нашей культуры и жизни, возможны изданія, посвященные искусству, только ему, и представляющія живой интерес не для однихъ лишь профессиональныхъ его служителей, но и для извѣстнаго круга лицъ, проникнутыхъ серьезнымъ значеніемъ искусства. На Западѣ отъ искусства требуютъ только того, что ему специфически свойственно; у насъ къ нему предъявляютъ обширныя требованія, ищутъ въ немъ отвѣтовъ на многочисленные вопросы и стремятся объяснить имъ или при помощи его все то, что приходится, строго говоря, на долю морали, науки, общественной жизни.

Мы никогда не увлекались количественнымъ успѣхомъ. Секретъ нравиться толпѣ, легкомысленной и жадной, не такой ужъ мудреный, чтобы его нельзя было осилить. Но мы поставили себѣ иную задачу: научить чему нибудь, быть можетъ, самымъ научиться, внести свое служеніе въ вопросы театральнаго искусства (которымъ, главнымъ образомъ, занимались) и быта. Намъ благоприятствовало время—особенно серьезно настроенное по отношенію къ искусству, что ясно послѣ вышесказаннаго—помогъ качественный ростъ сценическихъ дѣятелей, совпавшій съ пробужденіемъ ихъ самосознанія. Пять лѣтъ усиленнаго труда даютъ намъ возможность оглянуться назадъ, на пройденный путь, и съ надеждой взглянуть на будущее. Кажется, изданіе упрочено. Кажется, образовалась та необходимая связь между нами и читателями, которая позволяетъ намъ сказать, что мы не были лишними, что мы для кого-то и для чего-то были нужны; что не призрачными интересами вызывалось наше существованіе, не капризомъ и даже не личной волей. Именно это сознаніе, если оно только не обманываетъ, является для насъ лучшимъ утѣшеніемъ. Какъ высшая радость для художника есть сознаніе, что онъ творитъ не для потѣхи, но для первостепенной человѣческой необходимости, такъ и для публициста нѣтъ ничего болѣе ободряющаго, какъ убѣжденіе,

что его перо вызвала къ жизни реальная потребность читателей.

Думаемъ, что это такъ, и что мы не ошибаемся.

Съ 1902 г. мы открываемъ новый отдѣлъ „Совѣтовъ“

для нашихъ подписчиковъ по разнымъ техническимъ вопросамъ театра и театральнаго постановокъ. Отдѣлъ будетъ находиться въ завѣдываніи бывшаго режиссера театра Н. Н. Соловцова и Василеостровскаго театра въ Петербургѣ Я. П. Шмидтова. „Совѣты“, помѣщаемые 1—2 въ мѣсяцъ, будутъ заключать отвѣты на всякаго рода вопросы, указанія, справки и т. п.

Московскія письма.

Лѣса г. Найденова «Дѣти Ванюшина» имѣла въ Москвѣ, какъ кажется, еще болѣе успѣхъ, чѣмъ въ Петербургѣ. Я не могу припомнить въ корневскомъ театрѣ такого пыльнаго восторженія зрительной залы, такихъ восторженныхъ аплодисментовъ. За послѣдніе годы я не могу припомнить и ни одной новой русской пьесы, въ которой такъ ярко и неопровержимо сказались бы таланты. Это талантливо—прежде всего, и послѣ всего—это талантливо. Это такъ талантливо, что невозможно не почувствовать таланта и не поддаться его очарованію. Существуетъ убѣжденіе, что успѣхъ—и въ особенности успѣхъ театральнаго—не представляетъ мѣры цѣнности художественнаго произведенія. Оно сложилось очень давно. Успѣхъ грубыхъ нехудожественныхъ вещей и холодное отношеніе зрительной залы къ произведеніямъ, признаннымъ критикой, сложили его. Запоздалое признаніе многихъ пьесъ, не имѣвшихъ успѣха при ихъ появленіи, укрѣпили его во мнѣніи критики. Въ этомъ убѣжденіи есть доля правды, но и очень много лжи, утѣшительной для непризнанныхъ. Объ этомъ стоитъ поговорить.

Слѣдуетъ признать, что большинство репертуарныхъ пьесъ (и въ новѣхъ) въ современномъ театрѣ не имѣютъ никакой художественной цѣнности. Съ другой стороны, зрительная зала не постигаетъ и тысячной доли гения Ибсена—никогда она бы обезумѣла отъ восторга и наплыва связныхъ чувствъ. Между двумя крайностями, около первой—лежатъ пьесы, иногда литературныя и отчасти дарованіемъ. Зрительная зала не желаетъ многихъ изъ нихъ признавать и тѣмъ показываетъ недостатокъ художественнаго вкуса. Было бы странно и ожидать въ зрительной залѣ вкуса. Художественный вкусъ развивается въ особыхъ условіяхъ, въ постоянномъ исключительномъ общеніи съ искусствомъ. Въ концѣ концовъ, этимъ вкусомъ въ полной мѣрѣ могутъ обладать только сами художники и художественные критики, т. е. оныя такія же художники. Какъ люди, питающіеся обыкновенно простою пищей, не имѣютъ возможности развить въ себѣ тонкихъ вкусовыхъ ощущеній—такъ и зрительная зала, въ жизни которой искусство занимаетъ очень мало мѣста, не въ состояніи почувствовать таланты, когда онъ не ярко выраженъ. Ей нѣтъ дѣла до глубины и тонкости, она, просто, не умѣетъ разбираться—различать намеки на талантъ, выдѣлять за тѣмъ, что есть, то, что должно быть; она лишена дара творческаго воображенія, вотъ почему она не признаетъ Метерлинка, который требуетъ отъ нея самой участія въ творчествѣ. Но когда талантъ ярко и опредѣленно бьетъ ключемъ передъ ея глазами—онъ заражаетъ ее и покоряетъ. И получается успѣхъ «Дѣтей Ванюшина». Для начинающаго автора не можетъ быть выше признанія и цѣнныя награды.

На грубые пошлые пьесы ходитъ толпа, всегда жадная до всего остраго, раздражающаго и легче всего подстрекателя любопытствомъ. Показываютъ кокетокъ и карманиковъ, сообщаютъ грязныя сплетни про живыхъ людей, которыхъ чуть не называютъ по фамиліямъ, танцуютъ «декадентскій танецъ»—и толпа идетъ, всегда пойдеть, какъ ходитъ въ музей смотрѣть женщину съ бородой или восковые изображенія секретныхъ болѣзней. Театръ—понятіе растяжимое. Если онъ ведалъ, гдѣ есть рампа и занавѣсъ, то въ его общій оцінокъ въ данный моментъ нельзя придти ни къ какому заключенію. Нельзя сравнивать несравнимыя вещи. Цѣлый рядъ пьесъ въ репертуарѣ нашего театра—не искусство и театр въ вечера ихъ представленія—не театр. Только признавъ такое положеніе, возможно разобраться въ противорѣчіяхъ и опредѣлить цѣнность успѣха въ зрительной залѣ для оцѣнки художественнаго произведенія.

Остаются очень крупныя исключительныя дарованія: Шекспиръ, нѣсколько вѣковъ дожидавшійся своего признанія, Ибсенъ, нецѣнный въ полной мѣрѣ своими современниками, два—три другихъ имени... Ихъ примѣръ врядъ ли можетъ служить утѣшеніемъ для непризнанныхъ—въздъ, не чувствуютъ же они въ себѣ силы гения? Среднему таланту, который не въ силахъ подчинить себѣ толпу и добиться у нея успѣха, нельзя довѣрять, что бы ни говорила о немъ изощренная критика. Онъ немошенъ. За послѣдніе годы критика признавала талантъ въ очень многихъ пьесахъ мо-

лодых авторовъ. Изъ нихъ только одинъ г. Найденовъ получилъ признание въ зрительной залѣ.

Въ концѣ концовъ, мнѣ кажется, что критика обязана считаться съ зрительной залой и быть въ своихъ приговорахъ строже и осмотнительнѣе. Въ послѣднее время въ русской драматургіи появилось столько «талантовъ», что нельзя не отнестись съ недоумѣемъ къ этому явленію. Откуда этотъ внезапный ростъ?! Талантъ—большое слово и, если злоупотребить имъ, оно измельчаетъ, теряетъ свой смыслъ, и г. Найденова придется называть гениемъ. Точно также мнѣ думается, что въ интересахъ всего дѣла театральная критика обязана строго отдѣлять то, что—театръ, и то, что—не театръ. О многихъ пьесахъ, о многихъ явленіяхъ она должна совсѣмъ умалчивать. Тогда уже одно упоминаніе въ театральной критикѣ будетъ указывать на то, что данное явленіе, данное произведеніе причисляется къ искусству.

очень удачно. Г-жа Топорская обдуманно и въ надлежащемъ тонѣ провела роль Глаши. Прекраснымъ партнеромъ ей оказался г. Гензель въ роли Петра Сухомкина. Типичны были г. Вигандъ (Недососовъ) и г. Словаковъ, совсѣмъ не полюбовительски справившіеся съ ролями. Какъ ни странно было видѣть въ любительскомъ спектаклѣ стройный ансамбль, но фактъ остается фактомъ.

Послѣ спектакля, какъ водится, начались танцы и продолжались до глубокой ночи.

В. А. Л—б—въ.

Чествованіе П. И. Вейнберга отличалось рѣдкой сердечностью и задумчивостью. Къ 2 ч. дня въ залъ общества дѣятелей печатнаго дѣла собралось много почитателей таланта и друзья П. И. Вейнберга. Въ 2½ ч. дня П. И. Вейнбергъ прибылъ въ залъ собранія и П. Н. Исаковъ объявилъ за-

Новая опера Рих. Штрауса «Feuersnoth»

(поставлена въ первый разъ въ Дрезденѣ).

Тогда опредѣлится съ ясностью, что имѣетъ нашъ театръ, что онъ представляетъ, на что можетъ рассчитывать и каково значеніе успѣха въ зрительной залѣ для оцѣнки художественнаго произведенія.

П. Ярицевъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Въ Кіевѣ предстоить 10-го января 25-лѣтній юбилей Н. Н. Соловцова и 10-лѣтіе его кіевской антрепризы. Письма, телеграммы и т. п. просятъ адресовать: Кіевъ, театръ „Соловцовъ“, управляющему конторой театра Крамскому. Членами юбилейнаго комитета состоятъ: М. М. Глѣбова, Е. Я. Недѣлинь, В. О. Степановъ, М. Ф. Багровъ, П. Л. Скуратовъ, И. М. Шуваловъ.

14-го декабря въ залѣ Благороднаго собранія состоялся спектакль въ пользу общества вспоможенія нуждающимся ученикамъ Спб. 5-й гимназіи подъ управленіемъ артистки литературно-артистическаго театра Н. М. Топорской. Были поставлены «Хрущевскіе помѣщики». Спектакль прошель

даніе открытымъ. П. И. былъ привѣтствованъ громкими, долго несмолкаемыми аплодисментами. Затѣмъ начались привѣтствія отъ различныхъ обществъ и редакцій, ихъ было множество. П. И. привѣтствовали: 1) московское общество любителей русской словесности, 2) литературный фондъ, 3) русское литературное общество, 4) общество дѣятелей печатнаго дѣла, 5) касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, 6) общество драматическихъ писателей, 7) Русское Театральное Общество, 8) отъ бывшихъ членовъ союза взаимопомощи русскихъ писателей, 9) педагогическій музей, 10) педагогическіе курсы, 11) коломенская гимназія, 12) комитетъ доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, 12) общество для усиленія средствъ женскаго медицинскаго института, 14) редакция «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», 15) редакция «Русскихъ Вѣдомостей», 16) редакция газеты «Новости», 17) редакция газеты «Россія», 18) редакция журнала «Театръ и Искусство», 19) «Русское Богатство», 20) «Орловскій Вѣстникъ», 21) «Миръ Божій», 22) «Южный Край».

На обѣдѣ въ честь П. И. Вейнберга, устроенномъ въ ресторанѣ «Контанъ», собралось болѣе 200 человекъ.

За обѣдомъ рѣчи говорили: А. А. Потѣхинъ, В. Д. Спасовичъ, В. П. Острогорскій и др. Г-жа Чюмина прочитала стихотвореніе.

По окончаніи обѣда М. Г. Савина устроила концертъ, въ которомъ кромѣ М. Г. приняли участіе: Морской, Петровъ, Озаровскій, Арбенінъ, Самойловъ, г-жа Зальская.

П. И. Вейнбергъ прочелъ свое стихотвореніе «Море».

Московскія вѣсти.

— Г. Южинъ на Великій постъ подписалъ контрактъ съ извѣстнымъ итальянскимъ импресарио г. Чезарио на рядъ спектаклей въ королевскихъ театрахъ въ Туринѣ, Лондонѣ—въ «Ковенгарденѣ».

— Труппа г. Корша будетъ играть въ Москвѣ въ теченіе Великаго поста и Святой недѣли. Затѣмъ подъ управленіемъ г. Синельникова она отправляется на май мѣсяцъ въ Симферополь, а на іюнь въ Севастополь.

— На будущій сезонъ вмѣсто уходящаго на Императорскую сцену г. Остужева въ театръ Корша приглашенъ провинціальный артистъ Чаринъ.

— На дняхъ какіе-то театральные шутники распустили слухъ о смерти провинціального актера Маслова, который недавно уѣхалъ въ Портъ-Артуръ. Шутники дошли даже до того, что передали по телефону этотъ фактъ въ разныя редакціи.

— Оперная артистка г-жа Махарина «временно лишилась музыкальнаго слуха», какъ передаютъ московскія газеты. Странная болѣзнь—«лишеніе музыкальнаго слуха». Это явленіе до сихъ поръ было извѣстно въ качествѣ хроническаго.

— 14-го декабря назначена была генеральная репетиція консерваторскаго концерта. За входъ на репетицію опредѣлена была цѣна всего въ рубль, вслѣдствіе чего публики набралось масса; однако, по дешевой цѣнѣ ей не удалось услышать г. Шалляпина, который долженъ былъ участвовать въ концертѣ, такъ какъ цѣна полнѣмъ голосомъ на репетиціи онъ не пожелалъ и промурлыкалъ свою партію. Публика устроила скандалъ и рублевая плата всѣмъ была возвращена. Но хорошо ли было ее взымать.

— Московская компанія граммофоновъ предложила будто бы Ѳ. Шалляпину спѣть 20 номеровъ за гонораръ въ 4,000 р. Пѣвецъ не согласился на это и запросилъ по тысячѣ рублей за номеръ, всего 20,000 рублей. Се пои е него, то, во всякомъ случаѣ, отличная реклама и для г. Шалляпина, и для «компаніи граммофоновъ», издающихъ вмѣсто пѣніи, нечто вродѣ собачьяго лая.

— 18 декабря по случаю двадцати-пятилѣтняго юбилея служенія на казенной сценѣ артиста А. П. Ленскаго, рѣшительно уклонившагося отъ всякихъ публичныхъ чествованій,—за кулисами Малаго театра, товарищи юбиляра поднесли ему обычный жетонъ и краткій, но теплый и выразительный адресъ. Артистъ съ большимъ успѣхомъ въ этотъ вечеръ въ 1-й разъ игралъ городничаго, котораго раньше игралъ покойный В. Макшеевъ. А. П. Ленскому пожалована денежная награда въ размѣрѣ 3,000 руб.

— «Дѣти Ванюшина» дѣлаютъ въ театрѣ Корша полные сборы. На 2 представленіи публика потребовала отпѣвать автору телеграмму.

— На дняхъ въ Интернац. театрѣ начинается спектакли русская оперетка подъ управленіемъ С. Н. Новикова. Составъ труппы: г-жи Никитина, Лепаръ, Делормъ, Романова, Самохвалова, Мирова, Ойгина, гг. Блюменталь-Тамаринъ, Святлановъ, Рутковский, Бураковский, Новиковъ, Ландратъ, Гальбиновъ, Громовскій, Чистяковъ и др. Въ составъ балета входятъ: г-жи Лантрѣвичъ 1-я, 2-я и 3-я, Романовская, Котиль. Дирижеромъ приглашенъ небезызвѣстный москвичамъ г. Шпачекъ, режиссируетъ—С. Н. Новиковъ.

Слухи.

— На сценѣ театровъ попечительства вскорѣ пойдетъ новая пьеса В. Крылова «1812 г.», которая будто бы будетъ обставлена съ еще большей роскошью, чѣмъ «Петръ Великій».

— Слухи о назначеніи В. Крылова директоромъ театровъ попечительства оказались преждевременными.

— Послѣ гастролей г. Собинова въ Маріинскомъ театрѣ, состоятся гастролы гг. Севастьянова и Южина.

— Михайловскій манежъ, гдѣ прежде ставило спектакли попечительство, отданъ на рождественскіе праздники А. А. Иванову.

— Въ залѣ Консерваторіи во время Великаго поста будетъ опера М. И. Любимова. Пока вошли въ составъ труппы: г-жи Фигнеръ, Фингертъ, гг. Фигнеръ и Собиновъ.

— Е. П. Карповъ уѣхалъ въ Москву для окончательныхъ переговоровъ съ г. Щукинымъ.

— По слов. «Нов.», въ іюль и августъ 1902 года въ Петербургѣ предполагено устроить съ благотворительной цѣлью выставку декоративнаго искусства.

— Въ дирекціи Императорскихъ театровъ возбужденъ вопросъ о приобрѣтеніи зданій Литовскаго рынка для устройства тамъ театральныхъ складовъ.

— Въ оперную труппу Маріинскаго театра принять баритона г. Рыдзевскій.

— Въ Маріинск. театрѣ репетируется «Зигфридъ» Вагнера, идущій въ январѣ въ бенефисъ оркестра.

19 декабря въ залѣ Павловой былъ данъ спектакль въ пользу фонда недостаточныхъ бухгалтеровъ и ихъ семействъ. Шла пресловутая «Гейпа». Устроители спектакля приложили все свое стараніе, чтобы вечеръ вышелъ интересный. Залъ былъ прекрасно декорированъ въ японскомъ стилѣ. Въ спектаклѣ принимала участіе А. Д. Вьяллена, исполнявшая съ большимъ успѣхомъ роль Мимозы-Сантъ. Что касается труппы «артистовъ», какъ значится въ программѣ, то, за малымъ исключеніемъ, они принадлежали къ неопытнымъ любителямъ. Особенно слабы были хоры, совершенно не сдѣланные. Изъ исполнителей отмѣтитъ г-жу Спальницкую-Молан, которой публика много апплодировала, г-жу Денин—переводчицу, очень мило разговаривавшую, и г. Мирволаскаго—хозяйина чайной, старавшагося изо-всѣхъ силъ смѣнить публику, хотя далеко не всегда удачно. Недурны были также моряки. Публики собралось довольно много, и слѣдовательно, матеріальная сторона вечера удалась. А это самое главное.

Въ Совѣтъ Р. Т. О. отъ Е. Н. Разсехиной поступило предложеніе учредить въ Ново-Екатерининской болынищѣ въ г. Москвѣ кровати для провинціальныхъ артистовъ имѣющіихъ основательныя перваго театральнаго агентства для Россіи и заграницы Е. Н. Разсехиной.

Панаевскій театръ. Въ минувшій понедѣльникъ на сценѣ Панаевского театра была поставлена пьеса Л. Г. Жданова «Милліоны въ опѣ». Пьеса задумана изъ быта нашихъ нефтяныхъ кладонскателей. Уголовъ быта—оригинальный, напоминающій въ извѣстномъ смыслѣ Калифорнію изъ разсказовъ Брестъ-Гарта. Выводится рядъ мелкихъ нефтеносильниковъ, которыхъ случай сдѣлалъ милліонерами. «Забилъ фонтанъ», и компанія парикмахеровъ, анатюристовъ, прогорѣвшихъ купцовъ, вдругъ разбогатѣла. Тема для опытнаго драматурга, который бы задался цѣлью прослѣдить перерожденіе этихъ случайныхъ милліонеровъ, несомнѣнно благодарна. Но г. Ждановъ, задумавъ недурно первый актъ, сбился въ дальнѣйшихъ актахъ на рутинную и аляповатую мелодраму. Вѣроятно, законченности пьесы помѣшала скороспѣлость работы. Не давъ себѣ труда наблюсти жизнь, бытъ и нравы, г. Ждановъ нагромоздилъ цѣлый рядъ эффектовыхъ и шаблонныхъ сценъ. Убийство, похищенія, любовныя страсти и грандіозная иллюминація, то бишь, пожаръ нефтяныхъ фонтановъ.

Получилась мелодрама, невысокаго разборъ, расчитанная на невзыскательный вкусъ. Не безъ интереса поставивъ вопросъ, авторъ разрѣшаетъ его при помощи грубыхъ эффектовъ и неправдоподобной интриги. Въ итогѣ рядъ картинъ, связанныхъ между собой на живую шутку, но зато вызывающихъ шумные апплодисменты «верховъ»—апплодисменты, свидѣтельствующіе о томъ, что пьеса пригодна для «праздничнаго репертуара».

Со втораго представленія пьеса сокращена: послѣдняя картина, происходящая, кстади сказать, на крышѣ (серьезно—на крышѣ, это, оказывается, въ правахъ города Баку)—упущена.

Пьеса шла въ бенефисъ г. Миколова, и въ ней были залаты почти всѣ лучшіе силы труппы.

† **А. И. Корчагина (Ольгина).** Въ г. Псковѣ послѣ тяжелой болѣзни (грудной жабы) скончалась артистка Анна Ивановна Корчагина, по сценѣ Ольгина. Покойная прослужила на провинціальныхъ сценахъ болѣе 30 лѣтъ. Сценическую карьеру она начала въ Москвѣ, въ артистическомъ кружкѣ.

Жакъ Тибо. Жакъ Тибо родился 27 сентября 1879 года. Отецъ его, серьезный музыкантъ, съ любовью и мастерствомъ руководилъ его первыми шагами въ музыкальномъ образованіи. Онъ такъ же, какъ и его другіе братья (всѣ прекрасные артисты) началъ играть на роялѣ, когда ему исполнилось 4 года, а 6 лѣтъ уже аккомпанировалъ публично своему отцу сонату Моцарта. 13 лѣтъ поступилъ въ Парижскую консерваторію въ классъ Марсика и по окончаніи пераго года получилъ первый похвальный отзывъ, а на слѣдующій годъ первую высшую награду. Съ 14-ти лѣтъ Тибо началъ выступать публично. 20-ти лѣтнимъ юношей Ж. Тибо уже успѣлъ объѣхать Бельгію, Швейцарію, Англію, Германію, Австрію, Испанію и Италію, причемъ всюду сопровождалъ его неизмѣнный успѣхъ. Тибо, по справедливости, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди французскихъ скрипачей.

Альфредъ Брюно. Въ залѣ дворянскаго собранія, въ субботу, 29 декабря, въ ежегодномъ большомъ симфоническомъ

концертъ солистки Его Величества М. И. Горленко-Долиной въ пользу о-ва «Ясли», оркестромъ Императорской оперы бу-

Французскій скрипачъ Жакъ Тибо.

(Къ ежегодному симфоническому концерту, устраиваемому М. И. Долиной 29 декабря).

летъ дирижировать французскій композиторъ и дирижеръ Альфредъ Брюно. Родился въ Парижѣ въ 1857 году. Въ 1874 г. поступилъ въ консерваторію, гдѣ въ 1876 г. получилъ первую премию за игру на виолончели, по классу Франшомъ. Пройдя курсъ гармоніи у Савара и композицій у Массенэ, онъ награжденъ въ 1881 г. высшей наградой. Произведенія, г. Брюно съ большимъ успѣхомъ исполнялись въ большихъ симфоническихъ концертахъ. Перу Брюно принадлежатъ: опера «Rêve», поставленъ въ 1891 г. въ парижской «Opéra Comique», лирическая драма «L'Attaque du Moulin» — на сюжетъ Луи Галле, заимствованный у Э. Золя; оперы «Мессидоръ», «Ураганъ», обѣ написанныя при личномъ сотрудничествѣ Э. Золя и др. Въ настоящее время Брюно работаетъ съ особенной любовью и стараніемъ надъ лирической комедіей *L'enfant Roi*, тоже на сюжетъ Золя.

Люсьенъ Вюльмерсъ. Л. Вюльмерсъ родился въ Парижѣ 23-го мая 1877 года. 6-ти лѣтъ началъ онъ брать уроки на роялѣ у m-me Pégion. Въ 1886 г. онъ поступилъ въ консерваторію въ подготовительный классъ Эмиля Дэкомбъ; затѣмъ, перейдя въ высшіе классы подъ руководствомъ знаменитаго Карла Беріо, онъ усвоилъ себѣ прекрасныя традиціи Тальберга. Въ 1893 году Вюльмерсъ получаетъ первую премию, пройдя классъ *musique d'ensemble* у Годара и окончивъ свое артистическое образованіе подъ руководствомъ Рауля Пюньо.

Въ минувшій понедѣльникъ въ театрѣ «Фарсъ» состоялся бенефисъ режиссера С. А. Корсикова-Андреева. Г. Корсиковъ не мало потрудился въ нынѣшнемъ сезонѣ надъ упорядоченіемъ дѣла и поэтому неудивительно, что и труппа и дирекція чествовали его сердечно и радушно. Ему поднесено было много цѣнныхъ подарковъ.

† М. И. Лилинъ. Намъ телеграфируютъ изъ Уфы: 14 декабря ночью скончался артистъ Лилинъ на сценѣ, играя Торцова въ «Бѣдность не порокъ».

О трагической кончинѣ Лилина намъ уфимскій корреспондентъ пишетъ намъ отъ 15 декабря:

14 декабря на сценѣ уфимскаго зимняго театра шла комедія «Бѣдность не порокъ». Театръ былъ полонъ. Сборъ предназначался на усиленіе средствъ «Уфимскаго общества вспоможенія частному служебному труду». Актеры играли жизненно и съ ансамблемъ. Театръ дрожалъ отъ рукоплесканий... Пьеса шла къ концу и многіе уже поджидали водевиля «Дѣньское любопытство», который долженъ былъ идти въ заключеніе. Но, забывъ водевиля, публику ожидала дѣйствительная жизненная драма, конечный ея актъ — смерть.

Роль Любима Торцова игралъ комикъ — артистъ нашей труппы М. И. Лилинъ, питомецъ петербургскаго театральнаго училища, свыше 30 лѣтъ подвизавшійся на подмосткахъ.

Въ концѣ третьяго дѣйствія когда семья Торцовыхъ, благодаря Любиму, «спасила» ненавистнаго жениха Любви Гордѣвичи — Африкана Савича и въ домѣ Гордѣича Карычъ пролетѣлъ ангелъ добра и правды, — въ семьѣ, какъ послѣ грозы въ лѣсу, наступила тишь... Всѣ ждали, какъ послѣ несчастія ждуть солнца, — благодѣтельнаго голоса торжествующей истины.

И выступилъ Любимъ Торцовъ — хмѣльной, бѣдный, оборванный... И слышится его молящій голосъ, обращенный къ брату: «Братъ отдай Любу за Митю... Я изголодался, изломался... Можетъ быть, и мнѣ отыщется у нихъ уголокъ»...

Любимъ грузно падаетъ въ ноги брату... Слышится храпъ и клокотанье — ужасные вѣстники какой-то суровой дѣйствительности...

— Заплачь! Заплачь! — кричатъ неестественнымъ голосомъ актеры, которые, какъ извѣстно, въ этой картинѣ всѣ находятся на сценѣ... Слышится душу потрясающій женскій крикъ — крикъ жены и матери, быть можетъ, осиротѣлой...

Два врача стремясь бѣгутъ на сцену... Всѣ мѣры припяти... Чуть слышно бѣшеніе сердца несчастнаго Любима, лежащаго на подмосткахъ своей долгой кормилицы — сцены... въ лохмотьяхъ...

В. Коссовскій.

Петербургскій театр. Въ понедѣльникъ, въ Петербургскомъ театрѣ была представлена почти невѣроятная пьеса «Въ туманѣ», драма въ 4 д. и 5 карт. О. П. Королева. Что представляется автору «въ туманѣ» — рѣшится утвердительно трудно, но если судить предположительно, то самыя простыя вещи покрыты для автора туманомъ. Рассказывать ли содержаніе пьесы?... Думаю, что это излишне. Скажу только, что первый актъ — сколокъ съ «Бѣдности не порокъ», остальные акты — чуть ли не точная копія старинной мелодрамы «Современная язва». Тутъ и ростовщикъ, и его приказчикъ, находящійся въ положеніи Мити, и дочь, которую насильно хотятъ выдать

Французскій піанистъ Люсьенъ Вюльмерсъ.

Къ ежегодному симфоническому концерту, устраиваемому М. И. Долиной въ пользу О-ва «Ясли» 29 декабря.

замужъ. Но лучше всѣхъ героиня пьесы—Клеопатра, которая подбиваетъ любовника убить мужа, отдастъ подъ судъ падчерицу, уничтожаетъ завѣщаніе мужа и продѣлываетъ еще цѣлый рядъ «ужасовъ», которые, впрочемъ, только «ужасно» смѣшны. Но досадно не то, что невѣдомый г. Корольевъ написалъ туманно-недѣльную пьесу, а то, что ее разыгрывали такіе прекрасные актеры, какъ В. П. Далматовъ и К. Н. Яковлевъ. Г. Далматовъ, положимъ, не затратилъ слишкомъ много

С. А. Найденовъ.

(Авторъ пьесы «Дѣти Ванюшина»).

труда на изученіе этой достопримѣчательности драматической литературы, но это только послужило на пользу автору. Артистъ «фантазировалъ» и создалъ благодаря этому образъ, который, вѣроятно, и не сился автору. Только истинный художникъ можетъ творить по столь незначительнымъ намекамъ. Особенно удался артисту 3 актъ, гдѣ г. Далматовъ чуть-чуть повторилъ Телягева.

Слабѣе—г. Яковлевъ въ мелодраматической роли ростовщика. Самый характеръ дарованія, отъ котораго такъ и вѣетъ nepoзвoлительнымъ здоровьемъ, мѣшаетъ артисту становиться на ходули мелодрамы.

Клеопатру изображала г-жа Гуріели, не обнаружившая ни чувства, ни искренности, ни простоты. Для сильно-драматическихъ ролей, кстати, нѣтъ и силы. Впрочемъ, г-жа Гуріели была на сценѣ весьма развязна, а этотъ апломбъ иногда нравится нетребовательной публикѣ. Но между «развязностью» и художественнымъ исполненіемъ—дистанція огромнаго размѣра. Г-жѣ Гуріели поднесли нѣсколько корзинокъ съ цвѣтами, что мы спѣшимъ засвидѣтельствовать. В. М.—ий.

Намъ пишутъ изъ Москвы. Дѣламъ театра «Акваріумъ», болѣе чѣмъ печальнымъ, по видимому суждено поправиться, благодаря постановкѣ «Позолоченныхъ людей». Эта новая пьеса г. Протопопова не произвела на первомъ представленіи такого сильнаго впечатлѣнія, какимъ захватили зрителя въ прошломъ году его «Рабьинъ веселья», но затѣмъ успѣхъ «Позолоченныхъ людей» сталъ расти и теперь они сдѣлали уже пять большихъ сборовъ. Оригинальный мірокъ, выведенный въ новой пьесѣ автора «Рабьинъ веселья», заинтересовалъ, очевидно, и Москву. Дѣйствительно, «позлащенность» людей—общая для всѣхъ городовъ.

Изъ исполнителей «Позолоченныхъ людей» продолжаетъ имѣть огромный успѣхъ г-жа Моравская, играющая сильно-драматическую роль жены одного изъ героевъ пьесы. Уходя г-жи Моравской послѣ объясненія съ мужемъ во второмъ актѣ постоянно сопровождается единодушными аплодисментами.

Изъ остальныхъ артистовъ лучше другихъ играютъ г-жа Каренина, г. Волоховъ и г-жа Дальская, щеголяющая въ туалетахъ, одинъ другого эффектнѣе.

Новый театръ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ г-жи Зеландъ-Дубельтъ «Вампиръ» давалась въ 1-й разъ 14-го декабря въ бенефисъ г-жи Арнольдъ. Сама пьеса «Вампиръ» не представляетъ собой ничего замѣчательнаго: пьеса дамскаго пера, по самый спектакль въ Новомъ театрѣ 14-го декабря была замѣчательный: еще нѣсколько такихъ «премьеровъ» и публику, что называется, «скачаемъ не заманивъ» въ театръ.

Къ чему, вообще, такъ много новинокъ? Кому, напримеръ, могла понадобиться постановка этого «Вампира» — представляющаго тяжелое зрѣлище, которое я сразу не осилилъ и смотрѣлъ въ два пріема?

«Вампиръ» имѣетъ кромѣ общихъ недостатковъ, свойственныхъ неудачнымъ пьесамъ, еще и свои specialныя: говорится объ очень высокой морали, и при этомъ имѣется намѣреніе купить пьесѣ успѣхъ сомнительными средствами: отцомъ семейства, страдающимъ какой-то очень тяжелой или очень «скверной» болѣзью и его сыномъ—эпилептикомъ, поставленнымъ въ пьесѣ такъ, что каждую минуту боишься, чтобы съ нимъ не случился припадокъ, а въ 4-мъ дѣйствіи есть и такая фраза: «надо его скорѣе увести, а то съ нимъ случится припадокъ».

С. С.

«Вечеръ оперетокъ». Театральное Общество устроило «вечеръ оперетокъ» въ Марининскомъ театрѣ въ субботу 15 декабря. Постановки были отдѣльные акты изъ «Прекрасной Елены» (2 акта) «Периколы» (1) и «Орфея въ аду» (1 и 2). Курьезъ и главный интересъ заключались въ томъ, что исполнителями оперетокъ являлись не опереточные актеры, которыхъ, впрочемъ, въ Петербургѣ очень мало (плохая трушья, играющая въ театрѣ Пабельской, въ счетъ не идетъ), но артисты Александринскаго и Марининскаго театровъ. Оперные артисты возбуждали еще болѣе любопытства, нежели драматическіе. Последніе (каковы г-жа Савина, Давыдовъ, Варламовъ и др.) играли въ опереткѣ въ началѣ своей карьеры, когда оперетка властвовала на всѣхъ сценахъ. Оперные же артисты за малымъ исключеніемъ (например, г. Тартаковъ) оперетки, такъ сказать, никогда «не похали». Ожидали необыкновеннаго музыкальнаго наслажденія. Дѣйствительно, была ли когда либо такъ представлена оперетка? Оркестръ изъ 120 человекъ, великолѣпный оперный хоръ и перво-классные пѣвцы и артисты. Ставили, если не ошибаюсь, этотъ «вечеръ оперетокъ» г. Медвѣдевъ, которому въ качествѣ стараго антрепренера и режиссера, это дѣло, хорошо знакомое.

Оперетку, однако, у насъ разучились пѣть и играть. Пѣть оперетку необходимо не въ широкомъ стилѣ оперной кантилены, но кантрино, съ примѣсомъ декламации и глупое, — весело. Играть слѣдуетъ оперетку буффонадой, каррикатурой, хотя выдержанной. Играя оперетку, нужно непрерывно подмигивать и спрашивать у публики: jolij! Это—

ВЕЧЕРЪ ОПЕРЕТОКЪ.

Первая постановка «Прекрасной Елены».

Сазоновъ и Лядова (Парисъ и Елена).

ВЕЧЕРЪ ОПЕРЕТОКЪ.

Донъ Рибейро—В. П. Далматовъ.

дурачество, веселоправіе, и даже экстрактъ дурачества и веселоправія.

Мнѣ показалось далѣе, что, несмотря на мастерское веденіе оркестра г. Крушевскимъ, оркестръ звучалъ слишкомъ массивно для оффенбаховской музыки. Геніальная музыка веселаго маэстро (я смѣло употребляю выраженіе «геніальный» — эта музыка геніальна, какъ апоэозъ чувственности и скептической проныи эпикурейца) — эта музыка, говорю я, требуетъ, какъ Перикола, легкаго, прозрачнаго, пожалуй, кокетливо изорваннаго платья. Какъ я не могу себѣ представить Периколу въ длинномъ, тяжеломъ, бархатномъ платьѣ съ треномъ, — такъ необычно слушать оффенбаховскія мелодіи въ исполненіи оркестровыхъ массъ. То ли дѣло десятокъ скрипокъ, нѣсколько духовыхъ инструментовъ, и непременно, турецкій барабанъ, который кстати и некстати оглашаетъ залу «тимпаническимъ» ударомъ. «Ну, да вѣдь инструментъ такой — не дастъ легко владѣть собой», какъ поется въ куплетахъ m-e-lle Нитушъ. Точно также мнѣ представляется, что слишкомъ массивные голоса, какъ, напримѣръ, у г-жи Куза, пѣвшей Эвридику, не идутъ къ этимъ партіямъ. Эвридика — это «petite femme», воплощеніе, вѣрнѣе, предположеніе, прообразъ тѣхъ выходящихъ, извивающихся, ускользающихъ маленькихъ женщинъ, съ осиными таліями и эмфевидными линіями, которыя улыбаются Муха, Баксомъ, Гревеномъ и др.

Вотъ изъ кого могъ бы выработаться отличный опереточный актеръ — это изъ г. Давыдова, пѣвшаго Пиккилло. И голосъ его, и фигура, и манера — очень идутъ къ опереточнымъ партіямъ. Онъ пѣлъ очаровательно, но фразировалъ неуверенно и дикія у него недостаточно твердая и устойчивая. Г-жа Гладкая — немощко неопытная Перикола. Куплеты «Какой обидѣ намъ податься» — она спѣла безъ капли вина, которое должно опьянять слушателя — но, съ точки зрѣнія общества трезвости, спѣла отлично. Г. Давыдовъ, начальникъ полиціи, и г. Далматовъ — губернаторъ очень смѣшили публику.

Въ «Прекрасной Еленѣ» превосходно пѣла г-жа Медея Фигнеръ. Это — настоящій, большой талантъ. Она спѣла куплеты «Кувыркомъ» съ граціей, вкусомъ и легкою привуазностью. Ея интонаціи образецъ куплетнаго изящества. Дуэтъ съ Парисомъ она исполнила со страстью и блескомъ. Чего ей не хватало? Хотите правды? Чуточки музыкальной безграмотности! «Когда я читаю ваше письмо, писалъ одинъ восторженный любовникъ своей дамѣ, и не нахожу въ немъ ни одной орфографической ошибки, — я чувствую себя несчастнымъ: ахъ, вы обращаете больше вниманія на орфографію, чѣмъ на меня!»

Г. Фигнеръ — суховатый Парисъ. Онъ привыкъ къ пафосу, и въ патетическихъ романсахъ достигаетъ большихъ эффектовъ, но это не патетическая каватина. Это сонъ въ перемежку съ дѣйствительностью, и страсть въ перемежку съ ироніей. «Passons pour un rêve», какъ говоритъ Парисъ. Этой двойственности оффенбаховскаго дуэта г. Фигнеръ не передалъ.

Въ «Орфеѣ» превосходно, съ необыкновеннымъ изяществомъ канканировали г-жа Петипа — Венера и г. Гердтъ — Аполлоидъ. Вообще, балетные артисты были очень хороши. Г. Варламовъ — Юпитеръ казался простуженнымъ. Недурной Ор-

фей — г. Орѣшкеничъ, а соло на скрипкѣ за него исполнилъ г. Вольфъ-Израэль чудесно. Г. Тартаконъ — Плутонъ мягокъ для этой роли.

Г-жа Савина изображала одну изъ трехъ сестеръ въ «Периколѣ». Это былъ, пожалуй, самый интересный номеръ программы. «Мадеры!» кричалъ г. Далматовъ, и г-жа Савина со всѣхъ ногъ, ради добраго дѣла, бѣжала за мадерой. «Хересу!» кричалъ начальникъ полиціи, — и она бѣжала за хересомъ. На ней было зеленое платье, въ отличіе отъ красныхъ платьевъ на г-жахъ Мусиной и Хилковой. Но и безъ этого, смѣшать ее съ другими было невозможно.

Г. Яковлевъ изображалъ Ахилла. Со сценической точки зрѣнія прекрасно. Смѣшонъ былъ г. Давыдовъ, мила г-жа Хилкова и др.

Сборъ былъ, конечно, полный. Ради добраго дѣла, всѣ откинули лицевыя, и съ наслажденіемъ слушали Оффенбаха, и въ тайнѣ души думали, какъ было бы хорошо, если бы почтенно можно было слушать эти дивныя мелодіи, полныя шѣги, страсти и ироніи, превращающей въ ничто и нѣгу, и страсть. Мы ищемъ начала декадентства. Но, вотъ онъ — величайшій декадентъ — Оффенбахъ. Какъ много сходства между нимъ и Гейне! Разница лишь та,

«Птички пѣвчія».

Донъ Рибейро — г. Далматовъ. Пашателла — Н. С. Климовъ.

что у Гейне была «зубная боль въ сердцѣ» — чувство, совершенно недоступное Оффенбаху, чувственному и сладострастному скептику.

Н. Неуревъ.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Житомиръ. Актеръ Л. Е. Карри въ газетѣ «Волянь» опубликовалъ частное письмо, полученное имъ отъ близкаго родственника артиста В. Е. Розена, въ настоящее время больного, страдающаго нейрастеніей, всѣми забытаго. Послѣдніе 5 лѣтъ до болѣзни В. Е. игралъ въ Москвѣ въ народномъ театрѣ Черепанова, въ Акваріумѣ у Камкова. Печатаемое нами письмо написано В. Е. подъ вліяніемъ грустныхъ размышленій по случаю исполнившагося 30-лѣтія его служенія искусству и не лишено нѣкотораго психическаго интереса.

«Если бы я родился англичаниномъ и былъ богатъ и вмѣстѣ человѣкъ помѣшанный на пари и конкурсахъ, я бы предложилъ огромную премію тому, кто найдетъ во всемъ мірѣ въ сегодняшний день, юбиляра трагикомичѣе и печальнѣе меня! 30 лѣтъ тому назадъ въ 1871 году, въ этотъ самый день и въ эти самые часы, какъ я пишу эти строки, я въ первый разъ неумѣло натянулъ на себя бѣлое трико, которое на кобляхъ спустилось и сморщилось, какъ на это зарычалъ покойный режиссеръ Стружкинъ и заскрипѣлъ его прихвостень А. Надѣлъ я отвратительный костюмъ съ большого, толстаго человѣка на свою тонкую, жалкую фигуру. И я въ

ВЕЧЕРЪ ОПЕРЕТОКЪ.

Геркулесъ.—г. Поморцевъ.

слалъ Б. по городской почтѣ рубль (!) съ причиннымъ сему случаю письмомъ. А интересно знать, найдется ли за 150 лѣтъ существованія русскаго театра, еще актеръ, который не зарабатывалъ ни гроша и высылалъ бы рубль долгу—человѣку, который pour la bonne bou не жертвуетъ 600 тысячъ на больницу?»

Загадочно...

Кіевъ. На покрытие предстоящихъ платежей за работы, произведенныя при сооруженіи городского театра, урала обратится въ думу съ ходатайствомъ объ ассигнованіи до-полнительнаго кредита въ 210,000 руб. Такимъ образомъ, стоимость сооруженія театра превышаетъ уже 990,000 р., какъ развѣ влзое больше, чѣмъ было предположено.

На дняхъ избраны почетными членами литературно-артистическаго общества, между прочимъ, Вейнбергъ, Потѣхнинъ, П. Н. Соловцовъ и Стороженко.

Одесса. Въ непродолжительномъ времени начнутся регулярныя засѣданія театральной коммисіи, въ которыхъ будетъ обсуждаться вопросъ будущей эксплуатаціи Городскаго театра. Всѣ сходятся въ томъ, что три мѣсяца должна быть русская драма и около трехъ мѣсяцевъ опера. Въ виду того, что на три мѣсяца артисты едва ли согласятся поѣхать, проектируется завязать сношенія съ другими крупнымъ городомъ для обѣйна труппами. Суще-ствуетъ предположеніе въ будущемъ эксплуатировать Городской театръ хозяйствен-нымъ способомъ. Для этой цѣли представляется необходи-мымъ городу имѣть по-стоянный оркестръ и хоръ.

Симбирскъ. Театръ Була-чевой заарендованъ на Вели-кій постъ опереточной труп-пой А. А. Тонни.

Тамбовъ. 17-го декабря во время генеральной репетиціи въ мѣстномъ театрѣ, уволен-ный дирекціей суфлеръ, являсь въ контору, произвелъ изъ револювера 2 выстрѣла въ главнаго распорядителя, ар-тиста Рудольфа Крамеса, и артиста Барскаго, но промах-нулся, причемъ одна пуля попала въ руку преступника и раздробила ее.

В. Н. Давыдовъ—Халхасъ.

Письма

въ редакцію.

М. Г. г. редакторы! Въ № 49 вашего журнала бы-ло помѣщено письмо г. Околовича, въ которомъ онъ упрекаетъ меня, какъ режиссера, за неудачную постановку и несоответст-вующее распределеніе ролей въ его пьесѣ «Об-щественно любителей изыс-ныхъ искусствъ».

Позвольте просить васъ не отказать дать мѣсто настоящему моему письму на страницахъ вашего ува-жаемаго журнала, дабы возстановить истину и тѣмъ оградить, хотя на будущее время, моихъ то-варищей отъ насильной постановки пьесъ всевоз-можныхъ доморожденныхъ авторовъ, которыхъ всегда такъ много ютятся около театровъ, содержимыхъ ди-рекціями. Прежде всего скажу, что никакого «моего» желанія, какъ режиссера, поставить подобную пьесу не было и не могло быть. Г. Околовичъ предложилъ поставить его «фарсъ», ко-торый по его словамъ шелъ въ Петербургѣ и имѣлъ успѣхъ. Годъ вліяніемъ одного изъ директоровъ, я упростилъ труппу играть эту пресловутую пьесу. О томъ какъ должны были чувствовать себя артисты, играя эту пьесу, предлагаю судить вамъ, милостивый государь, для чего прилагаю эту пьесу и про-шу, прочитавъ ее, дать вашу отзывъ. Что касается анонса: «подъ управленіемъ автора», то это сдѣлано опять таки по желанію Околовича. При этомъ скажу, что товарищи мои отне-слись къ этой пьесѣ очень добросовѣстно. Режиссеръ Уфим-скаго театра Н. П. Пемезидинъ, П. Никольская, А. Романовъ, А. Камковъ, Ю. Кастровская, И. Маишій, Е. Крамская, Ю. М. Ленинъ, А. Сихановъ, Т. Миллдова, В. Зимовой, Ин. Фа-ворскій.

ВЕЧЕРЪ ОПЕРЕТОКЪ.

В. Н. Давыдовъ—Донъ Педро.

Отъ ред. Мы «изъяли» изъ письма труппы обид-ныхъ по адресу автора выраженій. У труппы и режиссера были, вѣроятно, свои основанія не ставить пьесы г. Око-ловича, и этотъ вечеръ, несма возможно, могъ быть упо-требленъ съ большей пользою, но самъ по себѣ, фаръ, ко-торый мы прочитали, пустой и легкомысленный не хуже другихъ, и столь строгой оцѣнѣ не подлежитъ.

М. Г. господамъ редакторы! Въ № 48-мъ «Театра и Ис-куства» помѣщена телеграмма изъ Могилева относительно моей антрепризы. Дѣло заключается потъ въ чемъ.

Первый мѣсяцъ моей антрепризы прошелъ благополучно. За второй-же полу-мѣсяцъ, я дѣйствительно, задержала жало-ванье и просила обождать немного, и получать частями, на что согласились: г-жи Долгичская, Борисова, Ларизина, Ме-шерская, Славина, гг. Чаровъ, Горюновъ, Лизини, Матусевичи. Другая женоловинна труппы, какъ-то: гг. Корсаковъ, Арка-новъ, Стрелетовъ, Николаевъ, Поляковъ съ женою Дринго-Ратмировъ съ женою отказались получать частями со сбо-ровъ, и когда я послала некоторымъ изъ нихъ даже на квартиру деньги, то они возвращали мнѣ ихъ обратно. Я принуждена была отмѣнить спектакль при хорошемъ сбо-рѣ и возратить публикѣ деньги. Затѣмъ заявили черезъ но-таріуса, что продолжать служить больше нежелаютъ. Я первая предложила имъ самимъ вести дѣло и брать себѣ всѣ деньги изъ кассы, за вычетомъ обязательнаго вечероваго расхода; предла-гала имъ векселя, словомъ, все, что было только въ моихъ си-лахъ, но на всѣ мои предложенія, мнѣ отвѣчали остротами, ироническими замѣчаніями, дерзостями и даже оскорбленіями.

Нѣкоторые изъ нихъ, дворяне, понадѣвали фуражки съ красными околышами и обошли все мѣстное начальство жа-луясь на меня; ворвались въ фойе театра и изъ витринъ сры-вали мои портреты, рвали на куски, топтали и, въ концѣ концовъ, послали телеграмму въ совѣтъ Р. Т. О.

Цѣль была та, чтобы отобрать у меня театръ и вести дѣ-ло по своему «умѣло»!

И вотъ получился какой результатъ За полу-мѣсяцъ они взяли 680 руб., которые всѣ пошли на погашеніе вечероваго расхода и маленькаго жалованья. Такъ что вмѣсто 1000 р. (за двѣ недѣли) имъ на дѣлѣжъ осталось одиннадцать (11) р. А между тѣмъ отъ меня, хоть частями,—но получали-бы. Въ товарищество не вступили: Ларизина, Чаровъ и Горюновъ. Примите и пр.

С. Каминская.

Музыкальныя замѣтки.

Русское Музыкальное Общество устроило 16 декабря экстренный «романсный» вечеръ. Единственной исполнительницей выступила г-жа Оленина-д'Альгеймъ, — пѣвица совершенно неизвѣстная у насъ, но о которой въ кое-какихъ газетахъ сообщалось, какъ о крупной величинѣ. Судя по газетнымъ замѣткамъ, г-жа Оленина-д'Альгеймъ, русская по происхожденію, будучи замужемъ за французскимъ музыкальнымъ писателемъ, много сдѣлала для пропаганды русской музыки въ Парижѣ. Пропаганда эта выразилась въ томъ, что г. д'Альгеймъ писалъ о Мусоргскомъ, а г-жа Оленина исполняла произведения этого композитора. Пропаганда русскаго искусства за границу, что и говорить, великая заслуга, хотя, откровенно говоря, едва-ли можно придавать большое значеніе тому, что во французской печати пишется о русской музыкѣ. Пишутъ все на половину дилетанты, съ русской музыкою мало знакомые и больше съ чужого голоса, всегда по внушенію какого-нибудь русскаго музыкальнаго дѣятеля. Такія писанія не многого стоятъ. Исслѣдованія иностранцевъ о русской музыкѣ тѣмъ и интересны, что заключаютъ сужденія безпристрастнаго лица, непрічастнаго къ партійнымъ увлеченіямъ, способнаго, поэтому, смотрѣть на дѣло и шире, и глубже. Но если это только пересказъ на французскомъ языкѣ того, что, въ узко-партійномъ духѣ и одностороннемъ освѣщеніи, говорится у насъ, — то какой здѣсь толкъ? Притомъ, со времени франко-русской дружбы, во французской печати пишется о русской музыкѣ непремѣнно въ тонѣ безсодержательнаго панегирика. Что же касается исполненія русскіхъ авторовъ, то это оружіе обоюдоострое. Вѣдь, нѣхкимъ исполненіемъ можно оттолкнуть слушателя отъ наилучшаго произведенія.

Газетныя замѣтки сдѣлали свое дѣло и въ музыкальныхъ сферахъ заинтересовались концертомъ г-жи Олениной. Впрочемъ, зачѣмъ газетныя сообщенія? Развѣ не достаточно того, что г-жу Оленину пригласило Русское Музыкальное Общество? Какой еще нужно аттестаціи, если дирекція устраиваетъ спеціально для пѣвицы экстренный вечеръ? Это-ли не рекомендаціи? Иначе и не должно бы быть. Русское Музыкальное Общество является у насъ первенствующимъ, по значенію и средствамъ, концертнымъ учрежденіемъ, и чему-же довѣрять, какъ не его рекомендаціи? Но, увы, между тѣмъ, что есть и что должно быть, дистанція огромнаго размѣра. Со смерти А. Г. Рубинштейна, Русское Музыкальное Общество выродилось и захирѣло. На смѣну великому художнику, «полѣзли изъ шлеи мошки да букашки». Эти людишки, неспособные проникнуться высшими стремленіями, впереди всего ставятъ свое «самочувствіе». Теперь ни для кого не тайна, что Русское Музыкальное Общество катится по наклонной плоскости. Объ этомъ свидѣлствуютъ, прежде всего, симфоническіе концерты общества, съ каждымъ годомъ все болѣе утрачивающіе художественный интересъ и воспитательное значеніе. Романсный вечеръ г-жи Олениной служить также нагляднымъ симптомомъ этого упадка. При А. Г. Рубинштейнѣ такой «вечеръ» былъ бы немислимъ.

Признаюсь, я давно не слыхалъ болѣе безцвѣтнаго и, въ то же время, болѣе претенціознаго исполненія. Представьте себѣ пѣвицу, которая не поетъ, а подпѣваетъ говоркомъ вполголоса. Вы думаете, можетъ быть, что она хороша discuse? Ничуть не бывало. Disease должна прекрасно фразировать, а г-жа Оленина такъ невнятно произноситъ слова, что ее трудно понять. Но, можетъ быть, она умѣетъ придавать исполняемымъ произведеніямъ художественный рельефъ? Наоборотъ, ея исполненіе лишено всякихъ красокъ. Надъ всѣмъ тяготѣетъ какое-то сѣрое однообразіе, и безпросвѣтная тусклость, въ концѣ концовъ, наводитъ удручающую тоску. Г-жа Оленина исполнила 32 пьесы — порція, на которую не рѣшилась бы пѣвица и съ очень разнообразнымъ талантомъ. И все говоркомъ, въ одномъ тонѣ, одною краскою! Удовольствіе среднее... «Frauenliebe» Шумана, полная глубины чувства, въ исполненіи г-жи Олениной, потеряли всякую прелесть. Пѣсенка Мусоргскаго «по надѣ Дономъ» она пыталась придать характеръ удалства, но это достигалось приемами, непригодными даже для открытой сцены, а плоскій, тривиальный звукъ нижняго регистра производилъ крайне не эстетическое впечатлѣніе. «Дѣтская» Мусоргскаго, состоящая изъ 8-ми пьесъ, изображающихъ разные моменты дѣтской жизни, принадлежитъ къ числу произведеній, въ которыхъ декламация порываетъ всякую связь съ музыкою. Изъ всей «кучки» Мусоргскій былъ, безспорно, самымъ даровитымъ, но недостатокъ музыкальнаго и общаго образованія лишалъ его художественной самостоятельности и онъ подпадалъ подъ чужія вліянія, «очертя голову». Въ стремленіи придать музыкальной рѣчи чисто-разговорныя интонаціи, онъ выходилъ за предѣлы музыкальнаго выраженія. По замыслу, «Дѣтская» Мусоргскаго представляетъ наивную и безвкусную поддѣлку подъ дѣтскій міръ, отъ которой вѣетъ фальшью и сочиненностью.

Г-жа Оленина придавала исполненію этого цикла пьесъ дѣтскій характеръ. Она манерничала на подобіе *petit bébé*, сюсюкала и лепетала à l'enfant. Нужно окончательно впасть въ дѣтство, чтобы восхищаться подобнымъ реализмомъ.

Романсный вечеръ вызвалъ среди публики такую досаду, можно даже сказать, такое раздраженіе, что для дирекціи явилась надобность сказать что-нибудь въ защиту. Защита эта явилась въ довольно необычной формѣ, въ видѣ музыкальной рецензіи, подписанной прозрачными инициалами «П. К.». Экстраординарный рецензентъ объявляетъ экстренный романсный вечеръ «крупнымъ событіемъ», «настоящимъ открытіемъ». А почему — тому слѣдуютъ пункты.

«Во-первыхъ, г-жа Оленина даетъ концерты одна». «Во-вторыхъ, она исполняетъ цѣлыя группы романсовъ того же автора». «Въ третьихъ она все поетъ наизусть» и «въ четвертыхъ, она артистка убѣжденная. Достаточно сказать — *horribile dictu* — она поетъ Мусоргскаго».

Доводы, надо сознаться, довольно шаткіе. Чтобы одной исполнять всю программу, не нужно таланта. Достаточно храбрости. Другой вопросъ: кѣмъ будетъ слушателемъ? Исполненіе наизусть цѣлой группы романсовъ того же автора, можетъ быть, составило бы «крупное событіе» въ Чухломѣ. Но чтобы это было «настоящимъ открытіемъ» для Петербурга — позволительно сомнѣваться. Исполненіе Мусоргскаго у насъ тоже не рѣдкость и г-жѣ Олениной открывать вновь Америку было совсѣмъ незачѣмъ. Но дѣло не въ томъ, что исполнять, а какъ исполнять.

Не поздоровится отъ этакой защиты.

Графъ А. Д. Шереметевъ продолжаетъ свое болыное и серьезное дѣло. Общедоступные симфоническіе концерты неизмѣнно даются въ залѣ Кононова и все совершенствуются какъ со стороны программы, такъ и въ смыслѣ исполненія. Программы такъ обширны, что ихъ хватилъ бы на нѣсколько концертовъ. Обыкновенно въ одномъ концертѣ, кромѣ цѣлаго ряда крупныхъ оркестровыхъ произведеній (среди которыхъ непремѣнно значится какая-нибудь симфонія), исполняются еще то одна, то другая ораторія съ оркестромъ, хоромъ и солистами. Думается, что программу можно было бы даже сократить. Отъ этого не только еще болѣе выиграло бы качество исполненія, но не притуплялась бы воспримчивость слушателя. Слушать серьезную музыку — дѣло далеко не легкое и чрезмѣрное изобиліе исполняемаго порою приводитъ къ результатамъ совсѣмъ нежелательнымъ, такъ какъ порождаетъ пресыщеніе и равнодушіе. Составитель программы всегда долженъ имѣть въ виду мудрую поговорку: «non multum, sed multa». Оркестръ, потрудившись, пѣлое лѣто въ Сестрорѣцкѣ, еще болѣе сыгрался, сталъ играть тоньше и разнообразнѣе. Сестрорѣцкая практика не прошла безслѣдно и для дирижера, г. Владимірова, который теперь вполне освоился со своимъ положеніемъ.

Общедоступные концерты создали свою особую публику. Въ большинствѣ — это средняя интеллигенція. Она широко пользуется возможностью за ничтожную плату послушать образцовыя произведенія въ добротнорядномъ исполненіи, наполнивъ концертный залъ сверху до низу. Она слушаетъ съ глубокимъ вниманіемъ, и свою благодарность графу выражаетъ шумными и единодушными рукоплесканіями, при его появленіи на эстрадѣ. Эти концерты, со всею своею обстановкою, составляютъ, безспорно, самое отрадное явленіе изъ нашей музыкальной жизни.

Помимо воспитательнаго вліянія на публику, концерты эти имѣютъ большое значеніе и для молодыхъ русскихъ композиторовъ, которымъ графъ Шереметевъ охотно предоставляет доступъ.

Въ концертѣ 16 декабря слово было предоставлено г. Шенку, лично дирижировавшему своею 2-ю симфонію. Г. Шенкъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ молодыхъ композиторовъ. По композиторской Technikъ, онъ не уступаетъ никому изъ прославленныхъ русскихъ композиторовъ, а по качеству творчества долженъ быть отнесенъ къ художникамъ «Божіею милостію». Казалось-бы, все это должно было-бы ему давать полное право на вниманіе со стороны Русскаго Музыкальнаго Общества. Между тѣмъ, ни одно изъ его симфоническихъ и камерныхъ произведеній не попадаетъ до сихъ поръ въ концерты Музыкальнаго Общества. Почему — совершенно непонятно. Неужели потому, что г. Шенкъ, слишкомъ скромный по натурѣ и обладая талантомъ, считаетъ для себя излишнимъ быть пролазомъ?..

Вторая симфонія г. Шенка написана подъ сильнымъ вліяніемъ «патетической» Чайковскаго. Въ этой подражательности нѣтъ ничего удивительнаго. Молодые композиторы всегда подпадаютъ подъ вліяніе какого-нибудь крупнаго художника и воздѣйствіе такого сильнаго и своеобразнаго произведенія, какъ патетическая симфонія, вполне понятно. Но, подражая такому хорошему образцу, какъ Чайковскій, г. Шенкъ имѣетъ сказать и нѣчто свое. Его подражаніе не идетъ далѣе вѣдѣнныхъ манеръ и стилистическихъ приемовъ, содержаніе же его

музыкальной рѣчи вполне самобытное. Въ дальнѣйшемъ творчествѣ г. Шенкъ, несомнѣнно, выработаетъ свой собственный языкъ. Отъ Чайковскаго г. Шенкъ заимствовалъ весьма цѣнные качества: склонность къ широкому лиризму и благородство стиля. Гораздо слабѣе развита у него кантилена. Его мелодіи не отличаются ясностью рельефа, хотя г. Шенкъ сплошь старается быть мелодичнымъ. Изъ четырехъ частей его симфоніи, самая слабая—скерцо, а послѣднія двѣ части—самыя талантливыя. Онѣ написаны съ большимъ мастерствомъ и проникнуты искреннимъ чувствомъ. Какъ на недостатокъ ихъ, слѣдуетъ указать на чрезмѣрное преобладаніе въ послѣднихъ двухъ частяхъ медленнаго темпа. Симфонія выиграла-бы, если-бы переставить между собою вторую (Scherzo) и третью (Andante) части.

Г. Шенкъ дирижировалъ своимъ произведеніемъ очень хорошо. Кромѣ симфоніи и «Римскаго карнавала» Берліоза,

пѣла арію Ливіи изъ новой оперы «Les barbares» и «Melodie persanne» Селъ-Санса. Г-жа Славина всегда надѣляется, помимо законченности исполненія, еще разнообразіемъ и новизною репертуара. Артистка спѣла также арію Дидоны изъ «Троянцевъ» Берліоза. Фуроръ произвела г-жа Буткевичъ въ аріи изъ «Миѣоны» Тома. По красотѣ тембра, силѣ звука и гибкости колоратуры г-жа Буткевичъ не уступаетъ въ блескѣ лучшимъ итальянскимъ колоратурнымъ пѣвицамъ. Если-бы она концертировала за границею, то навѣрное сдѣлалась-бы европейскою знаменитостью. Между тѣмъ, на нашей образцовой сценѣ ее, почему-то, держатъ въ черномъ тѣлѣ. Она привела публику въ восторгъ и виртуозностью исполненія аріи королевы изъ «Гугенотъ» и многихъ другихъ пѣсней, спѣтыхъ на bis. Г. Смирновъ съ рѣдкою вокальною красотою передалъ арію Ирола изъ «Иродіады» Массеи и на bis «Noel» того же композитора. Превосходно, съ отличными ак-

—< ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ АРТИСТКИ. >—

Г-жа Ольга (Оренбургъ).

Г-жа Ильарская (Самара).

прекрасно проведеннаго г. Владиміровымъ, исполнена была 1-я часть ораторіи Мендельсона «Илія». Ораторія у насъ не исполнялась очень давно и для многихъ представляетъ интересную новинку. Въ ней Мендельсонъ возвышается до истиннаго драматизма, и хоры, по выразительности и глубинѣ чувства, являются настоящими перлами искусства. Слабѣе сольныя номера. Ораторія была исполнена очень хорошо, подъ управленіемъ графа Шереметева. Хорошо справились со своею задачею и солисты: г-жи Пржебылецкая и Данковская и гг. Егіазаровъ и Кривновъ.

самблемъ, сыграли на двухъ рояляхъ «сarrice arabe» Селъ-Санса г-жа Гольденблюмъ и г. Лялевичъ. Хоръ Общества можетъ похвалиться хорошимъ подборомъ голосовъ и стройностью исполненія. Такой результатъ дѣлаетъ честь дирижеру, г. Тухолцѣ.

И. Ки—скій.

У камиха.

Присяжный повѣренный Евграфъ Семеновичъ Костыченко только что пріѣхалъ домой отъ Кюба, гдѣ онъ весело обѣдалъ въ цѣлой компаніи. Были: нотариусъ Гоненбергъ, присяжный повѣренный Пересмѣшниковъ, получившій недавно полмилліона наслѣдства, землевладѣлецъ Кривороговъ и кіевскій помѣщикъ Баклановъ, молодой человекъ лѣтъ 30, съ большими черными глазами и пріятнымъ

Второй концертъ Общества Музыкальных Педагоговъ, посвященный французскимъ композиторамъ, прошелъ очень удачно въ художественномъ отношеніи. Матеріальная же сторона оставляла желать лучшаго. Концерты Музыкальных Педагоговъ, почему-то, плохо посѣщаются, хотя они имѣютъ право на полное вниманіе публики. Программы ихъ всегда интересны, и по содержанію, и по составу исполнителей. Такъ, въ разсматриваемомъ концертѣ выступили такія крупныя силы, какъ г-жи Славина, Буткевичъ и г. Смирновъ. Кромѣ этихъ любимцевъ публики, участвовали еще г-жа Гольденблюмъ, Лялевичъ и хоръ Общества подъ управленіемъ г. Тухолки.

Г-жа Славина, съ присущимъ ей совершенствомъ, испол-

пѣвучимъ голосомъ. Кромѣ того, разумѣется, были Зина и Дольшевская. Когда Евграфъ Семеновичъ уходилъ, Зина вскочила, безъ церемоній обхватила его шею руками, ударила по плѣши и воскликнула, немножко въ носъ и немножко декламируя:

— Евграфъ Семеновичъ, куда же вы? Ну, не уходите...

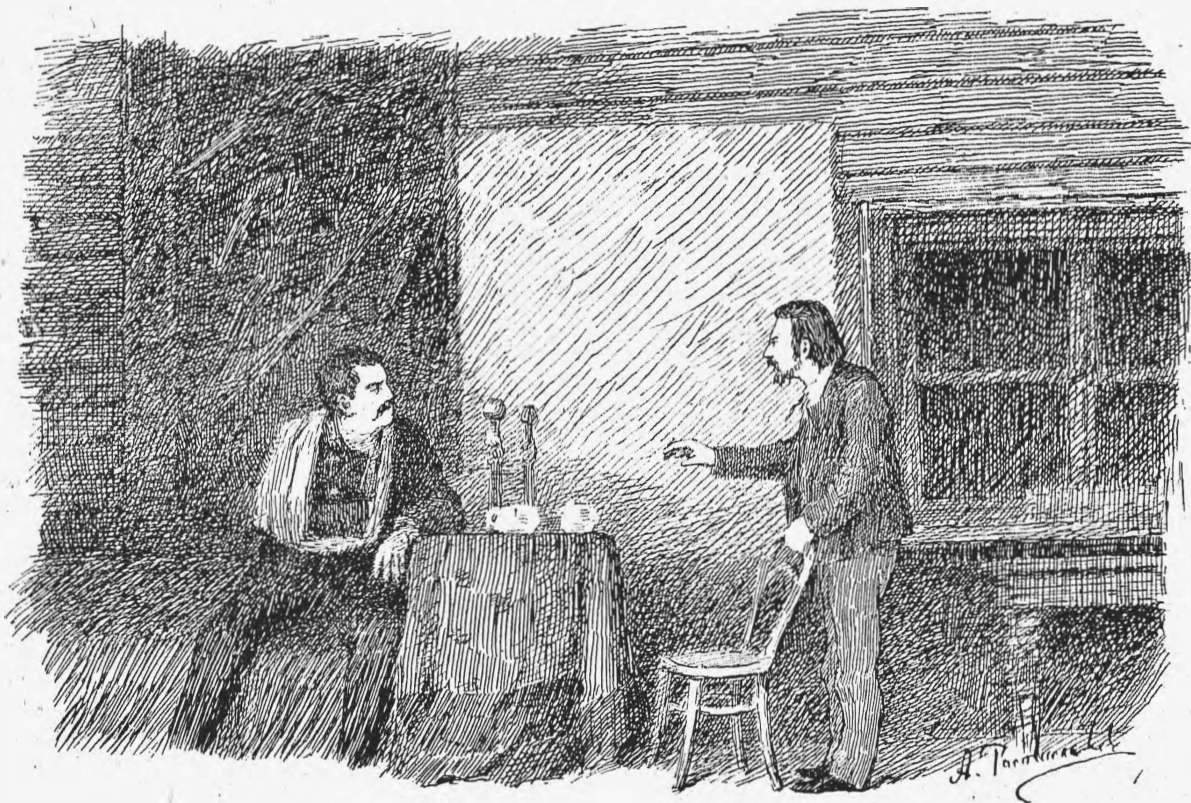
Дольшевская лежала на диванѣ, свернувшись клубкомъ, и тоже сказала:

— Оставайтесь, Евграфъ Семеновичъ.

Ему ужасно хотѣлось остаться, но въ то же время нестерпимо хотѣлось вздремнуть. Онъ видѣлъ, что Дольшевская какъ будто странно, отъ времени до времени, переглядывается съ Баклановымъ, и по-

одутлыя щеки, выпѣвѣтшіе глаза. Жизнь прожита, а всего обиднѣе, что прожита какъ-то глупо, безъ молодости и безъ старости. Онъ никогда не жилъ, какъ Баклановъ, наиримѣръ. Рано женился, потомъ овдовѣлъ, и только недавно въ немъ проснулся эпикуреецъ. Эпикуреецъ съ этимъ животомъ, съ глубокими морщинами и ломотой въ поясницѣ!.. Въ каминѣ трещали уголья, и синеватые языки пламени перебѣгали съ мѣста на мѣсто, точно болотные огоньки. Онъ глядѣлъ на эти огоньки и думалъ о томъ, что ужасно жить безъ молодости и что легенда о докторѣ Фаустѣ — глубочайшая изъ всѣхъ легендъ. Да, если-бъ можно было пережить вновь жизнь и снова стать молодымъ?

— АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ. —

«Комета», 4 актъ. (Роговичъ и Долгушевъ).

чувствовалъ какое-то стѣсненіе въ груди. Остаться? Но онъ зналъ, что значить для него остаться: у него посоловѣютъ глаза, выпятится нижняя губа и нестерпимо заносетъ въ поясницѣ. Нѣтъ, онъ уйдетъ! И, отстранивъ Зину, онъ сказалъ, обращаясь къ Дальшевской:

— Софья Григорьевна, я вернусь, честное слово вернусь; мнѣ тутъ нужно только одно дѣльце...

Онъ сконфузился, снялъ очки и сталъ вытирать ихъ платкомъ.

— Ну, хорошо, — сказала Дольшевская, и снова свернулася клубкомъ.

Ему припомнились всѣ эти подробности, когда онъ усаживался въ большое мягкое кресло предъ каминомъ и далъ покой уставшимъ членамъ. Въ каминѣ было вѣдѣано большое зеркало. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ выпѣвѣтшее, зеленоватое лицо, голое темя, двѣ глубокія морщины, пролежавшія по обѣимъ сторонамъ носа, сѣроватые усы, заостренный подбородокъ. Внизу колыбался порядочный животъ. Онъ вздохнулъ, и съ какимъ-то безпомощнымъ видомъ втянулъ въ себя воздухъ. Все это итоги: животъ,

Ты здѣсь, здѣсь — чувствую тебя,
Ты здѣсь, мой духъ желанный!..

Онъ сказалъ громко эти стихи. Слова прозвучали въ полумракѣ огромной комнаты, и вдругъ ему почудилось, что они грохочутъ по потолку, по стѣнамъ, по мебели. Вотъ эти слова подкатились подъ его ноги, вскочили на рѣшетку и прыгнули въ каминъ. — „Здѣсь! здѣсь!“ — трещалъ каминъ. „Здѣсь! здѣсь!“ стучало его сердце. Потомъ послышалось шипѣнье, огромный огненный языкъ высунулся изъ камина, и Евграфъ Семеновичъ ясно увидѣлъ стройную фигуру дьявола въ красномъ трико и беретѣ съ перьями.

— Я здѣсь! — воскликнулъ Духъ...

— Мефистофель? — пролепеталъ Евграфъ Семеновичъ.

— Мефистофела, — отвѣтилъ духъ, и Евграфъ Семеновичъ немедленно убѣдился, что это чортъ — женщина, которую онъ видѣлъ въ какой-то опереткѣ, и что на ногахъ ея то самое красное трико, которое было на опереточной примадоннѣ.

— Ну, милый, мнѣ некогда, — заговорила Мефи-

стофела.—Это надо скоро покончить. Души я твоей брать не стану, а вычеркнемъ, при заключеніи контракта все, что ты приобрѣлъ и нажилъ. Мнѣ это нужно, чтобы превратить одного молодого человѣка въ старика. Итакъ, хочешь контрактъ?

Въ каминѣ пѣлъ хоръ нотаріусовъ на мотивъ „Зеленаго острова“: „Мы нижеподписавшіеся, заключили между собой слѣдующее условіе“... Евграфъ Семеновичъ вспомнилъ черные глаза Бакланова и Дольшевскую, ожидающую его у Кюба, и проговорилъ:

— Давай ланцетъ, я открою жилу!

— Какой вздоръ,—замѣтила Мефистофела, — въ кабинетѣ ожидаетъ насъ нотаріусъ Выжлятниковъ.

Нотаріусъ Выжлятниковъ, крупный мужчина, съ бородой мочальнаго цвѣта, сидѣлъ у письменнаго стола и перелистывалъ „Нотаріальный уставъ“. Пододалъ надъ актовой книгой нагнулся письмоводитель Иванъ Васильевичъ.

— Иванъ Васильевичъ, запишите: явленъ у нотаріуса Выжлятникова лицами мнѣ извѣстными и къ совершенію актовъ правоспособными.

Евграфъ Семеновичъ взялъ перо, чтобы подписать, и вдругъ почувствовалъ, что у него изъ кармана что-то вытаскиваетъ бумажникъ и золотые часы.

— Караулъ!—закричалъ Евграфъ Семеновичъ.

Его голосъ замеръ безъ отклика. Онъ понялъ, что это предусмотрено контрактомъ, и въ то же время сталъ молодымъ. Вотъ онъ 25 лѣтъ назадъ. Глаза его — зоркіе, кипучіе, страстные, кудри вьются, дыханіе сильное, ритмическое, въ лѣвой сторонѣ груди нѣтъ этого безпрестаннаго ощущенія неловкости, въ правой сторонѣ не болитъ печень. Животъ втянутый, а на ногахъ дрожатъ сильно натянутые мускулы... Ему захотѣлось танцевать, прыгать, рѣзвиться, кого-нибудь поднять на руки, что-нибудь разбить, чтобы проявить физическую силу. Но, вспомнивъ, что у Кюба его ждетъ Дольшевская, онъ надѣлъ пальто (шубы не оказалось) и выскочилъ на улицу.

Стоялъ трескучій морозъ. Вѣтеръ крутилъ снѣжную сухую пыль, и она жгла ему лицо, шею и руки. Ему стало жаль большой шубы, въ которую онъ уходилъ весь съ головой и съ ногами, и большихъ калошъ съ мѣхомъ внутри. „Надо идти пѣшкомъ,—рѣшилъ Евграфъ Семеновичъ, — а то заморзнешь“. Кстати, онъ вспомнилъ, что у него нѣтъ на извозчика. Онъ шелъ, приталывая плохо обутыми ногами и растирая себѣ уши и носъ. На Невскомъ онъ подмигнулъ какой-то хорошенькой, перебѣжалъ на другую сторону, потомъ вернулся опять на прежнюю. Въ зеркальномъ стеклѣ, вдѣланномъ въ двери какого-то магазина, онъ увидѣлъ свое лицо, красное, молодое, со смѣло сверкающими сквозь снѣжную бахрому рѣсницъ глазами. У Конради была обычная рождественская выставка. Онъ стоялъ въ толпѣ, прочиталъ какую-то афишу о концертѣ, рѣшилъ, что надо пойти, но, вспомнивъ, что ему только 27 лѣтъ, рѣшилъ, что не пойдетъ. У Милютина ряда онъ остановился, посмотрѣлъ на ананасъ, хотѣлъ купить свѣжаго омара и балыкъ рейнской лососины, но ощущалъ у себя въ карманѣ копію контракта, понурилъ голову и побѣжалъ, попрежнему приталывая ногами.

Онъ пошелъ съ Кирпичнаго переулка къ подъѣзду, который ведетъ въ кабинетъ.

Швейцаръ оглядѣлъ подозрительно его пальто, какъ будто нехотя снялъ его и спросилъ, переминаясь съ ноги на ногу:

— Вамъ кого-съ угодно?

— Не узналъ, братъ Филиппъ,—сказалъ, Евграфъ Семеновичъ,—эхъ, ты, голова! Что здѣсь еще Гоненбергъ и Пересмѣшниковъ?

— Пожалуйте-съ!—проговорилъ Филиппъ со странной нерѣшительностью въ голосѣ и отворилъ дверь въ кабинетъ.

Всѣ были въ тѣхъ же позахъ. Дольшевская лежала, свернувшись на диванѣ, у ногъ ея сидѣлъ Пересмѣшниковъ, а въ головахъ—Баклановъ; Зина грѣлась у камина, Гоненбергъ и Кривороговъ курили сигары.

— Вотъ и я,—сказалъ Евграфъ Семеновичъ.

Пересмѣшниковъ поднялся съ мѣста, кѣшливо подошелъ къ Евграфу Семеновичу и сказалъ:

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?

Евграфъ Семеновичъ сдѣлалъ шагъ назадъ и, весело засмѣявшись, воскликнулъ:

— Неужели я такъ измѣнился, Иванъ Михайловичъ, что ты не узнаешь своего стараго пріятеля Костыленко!

Всѣ подняли головы, и больше всѣхъ Дольшевская.

— Здѣсь явное недоразумѣніе,—церемонно замѣтилъ Пересмѣшниковъ,—извините, мы въ своей компаніи... Вы понимаете...

— Но позвольте,—закіяпгилъ Евграфъ Семеновичъ... Мефистофела, честное слово, контрактъ... Я васъ увѣряю... вотъ! Выжлятниковъ... Прочтите!..

И онъ протянулъ бумагу. Пересмѣшниковъ пробѣжалъ ее и передалъ Криворогову. Черезъ плечо читали всѣ. Воцарилось минутное молчаніе.

— Извините, Евграфъ Семеновичъ,—началъ Пересмѣшниковъ,—я вижу, что это серьезно, но это не мѣняетъ положенія...

— Что такое? — кричалъ Евграфъ Семеновичъ.

— Да, нисколько... Мы составляемъ компанію людей второй молодости, умѣющихъ энциклопедически цѣнить каждую деталь... Прошу васъ, выслушайте спокойно. Мы всѣ люди состоятельные, а главное, ничего не ждемъ отъ жизни. Мы доживаемъ дни и потому—прошу васъ, слѣдите за моей мыслью—въ нашихъ удовольствіяхъ есть умудренное спокойствіе и величіе невозмутимости. Вы не годитесь для нашего кружка съ своей экзальтированной головой, пустыми карманами, идеализацией женщинъ, туманными теоріями любви, молодою отзывчивостью къ общественнымъ нуждамъ и вопросамъ. Извините, но лучше объясниться, нежели подавать поводъ къ недоразумѣніямъ. Я думаю, всѣ согласятся со мной.

— Софья Григорьевна! И вы? вы тоже?—сказалъ онъ, захлебываясь и глотая слова.

— И я тоже,—отвѣтила она. — Не думайте, что я говорю такъ потому, что вы теперь человѣкъ безъ средствъ. Можетъ быть, и потому, но не въ этомъ суть. У васъ были деньги—это одна сторона вопроса, а другая, это—то, что вы были не то, что онъ (она указала на Бакланова). Вы понимаете? Мнѣ нужны оба. Этими вы не будете, а тѣмъ не можете.

— Но моя молодость!..—воскликнулъ, хватаясь за голову, Евграфъ Семеновичъ.

— Ваша молодость!—грустно замѣтилъ Пересмѣшниковъ. — Я думаю, вы хорошо сдѣлаете, если затѣете съ Мефистофелой процессъ о во влеченіи васъ въ невыгодную сдѣлку. Если хотите, коллега, я съ удовольствіемъ... конечно, безвозмездно...

Но Евграфъ Семеновичъ уже не слушалъ. „Надо бѣжать, бѣжать!“ — стучало у него въ вискахъ. Онъ выскочилъ на улицу, на ходу застегивая пальто. Первымъ дѣломъ онъ хотѣлъ бѣжать къ Выжлятникову и объявить ему, что онъ подлецъ, что онъ не знаетъ „нотаріальнаго устава“, что нельзя заносить контрактъ съ Мефистофелой въ актовую книгу, не спросивъ у нея общей довѣренности отъ

Вельзевула. Потомъ онъ рѣшилъ бѣжать домой. Онъ вспомнилъ, что Мефистофела хотѣла отдать его квартиру какому-то молодому человѣку. Можетъ быть, она еще не успѣла?

Скорѣе, скорѣе, скорѣе!..

И вотъ, онъ снова у себя. Все на мѣстѣ, въ каминѣ попрежнему трещатъ уголья.

— Діаволъ! діаволъ! гдѣ ты? — кричалъ Евграфъ Семеновичъ.

— Я здѣсь, — отзывается Мефистофела, — что прикажете, молодой человѣкъ?

— Я не желаю быть молодымъ человѣкомъ, — оретъ Евграфъ Семеновичъ, — не надо мнѣ твоей молодости! Къ чорту, въ шапку, въ подкладку! Вотъ твой контрактъ, вотъ, вотъ!

И онъ рветъ его въ клочки.

— У меня сохранилась копія, — говоритъ Мефистофела, — и ты ничего не подѣлаешь. Впрочемъ, изволь, я верну тебя въ прежнее состояніе, но подь условіемъ...

— Какимъ условіемъ? У меня уженѣтъ ничего больше!

— Ты отдашь мнѣ душу... Подпиши.

Евграфъ Семеновичъ тяжело дышетъ, но подписывается, и вдругъ надъ его ухомъ раздается діавольскій смѣхъ.

— Ха-ха-ха! — заливается Мефистофела, — вотъ какъ дѣйствуютъ нынѣшніе черти! Душа доктора Фауста стоила Мефистофелю бездны хлопотъ, а я получила твою душу даромъ. Ты ничего не извлекъ изъ сдѣлки со мной, и остался тѣмъ, чѣмъ былъ, а душа твоя, все равно, у меня въ рукахъ, какъ душа доктора Фауста. И Мефистофела теревитъ его легонько за ухо.

— А, чортъ! — хрипитъ Евграфъ Семеновичъ, — я задую тебя, тварь!

Онъ дѣлаетъ усиліе, вытягиваетъ шею и открываетъ глаза. Дольшевская сидитъ возлѣ него и тихонько трясетъ его за плечо.

— Господи! какъ вы хрипите, — говоритъ она, — мы васъ ждали, ждали у Куба, такъ и не дождались. Вы все время здѣсь? Недурно спали!

Евграфъ Семеновичъ третъ себѣ переносицу и что-то мучительно соображаетъ.

— Да сколько же теперь времени?

— Скоро двѣнадцать!..

— А, двѣнадцать!..

Евграфъ Семеновичъ робко поднимаетъ глаза и спрашиваетъ:

— Вы куда не ѣздили?

— Нѣтъ... т. е. да, у меня голова заболѣла, и мы прокатились на тройкѣ въ „Аркадію“ съ Баклановымъ... это очень любезно съ его стороны.

— Да, конечно, — произноситъ Евграфъ Семеновичъ.

Ему хотѣлось сказать: это нехорошо, нехорошо, но онъ чувствовалъ, что не можетъ: душа была въ рукахъ Мефистофелы.

Нотъ новъ.

Въ вагонѣ.

(изъ записной книжки пассажира 1-го класса).

Тоска!.. Не знаю самъ куда, зачѣмъ я ѣду...

Печаль, какъ эта ночь, темна и глубока!

Съ самимъ собой нелу угрюмую бесѣду...

Тоска, тоска!..

На прошлой станціи поспѣшно соскочила

Съ веселымъ хохотомъ влюбленная чета, —

И я теперь одинъ... Свободны всѣ мѣста...

Темно... Вагоны замолкъ и замеръ какъ могила...

Рождественская ночь свѣтильнички зажгла.

Во всѣхъ домахъ горятъ распѣвченныя елки,

Дѣтиски вкругъ жуужаютъ, какъ маленькія пчелки...

Ихъ юная толпа безпечно-несела...

...Какъ ласково вчера ея глаза глядѣли

Итъ-подъ прелестнаго, спокойнаго чела!..

О, если этотъ взглядъ былъ лаской лжи и зла, —

Не вѣрю ничему!.. Въ невинной колыбели

Лжетъ кроткое дитя... Весь міръ погрязъ во лжи!..

Годъ, цѣлый годъ ждала... Къ чему?.. Зачѣмъ?

скажи!..

Мы проводили съ ней Рождественскія святки
Семейно, безъ быловъ и всяческихъ затѣй,
Дѣтиски соберемъ (намъ не даль Богъ дѣтей),
Устроимъ елку, стогъ подарковъ и сластей,
Она шалитъ съ дѣтими, играетъ въ жмурки, въ
прятки...

Какъ я любилъ ее безъ свѣтской мишуры,

Среди смѣющейся, веселой дѣтвory!

Въ концертѣ голосовъ, какъ юность беззаботныхъ,

Звучише всѣхъ звенѣлъ ея задорный смѣхъ...

Въ созвѣздіи очей счастливыхъ, искрометныхъ,

Глаза моей жены горѣли ярче всѣхъ...

Моей жены... Стѣпецъ! Она была чужою

Уже тогда... тогда, прошедшимъ Рождествомъ...

А я, я вѣрилъ ей, любилъ всѣмъ существомъ

Красивую змѣю съ презрѣнною душою!

О, я не видѣлъ лжи во взглядѣ нѣжныхъ глазъ,

Въ улыбкѣ милыхъ устъ, въ бреду горячихъ фразъ...

... Когда я нынче всталъ, мнѣ подали письмо,

Сказавъ, что «барыня уѣхала куда-то»...

Все, все я потерялъ на вѣки, безъ возврата...

И не заглядится позорное клеймо,

И не забудется тяжелая утрата...

«Ты помнишь... въ пропломъ декабрѣ

У насъ гостилъ твой другъ Калининъ...

Ахъ!.. мой рассказъ не будетъ длиненъ,

И вспоминать о той порѣ

Теперь и гадко мнѣ, и больно...

Но больше лгать не въ мочи!.. Довольно!..

Знай, что ему я отдалась,

Что мѣсяцъ длилась наша связь...

Клянусь, въ бреду, въ чаду безумья,

Уму и сердцу вопреки,

Я съ нимъ сошлась... Года раздумья,

Года мучительной тоски.

Сулитъ мнѣ горькій рокъ въ награду!

Я скрыла все... Въ часы борьбы

Я говорила: пусты! — украду

Хоть каплю счастья у судьбы!

И каждый день я трепетала,

Что ты узнаешь... проклянешь...

О, сколько мукъ я испытала

За эту тягостную ложь!

Прощай! Минувшаго осколки

Мнѣ колютъ сердце, давятъ грудь...

Боюсь въ глаза тебѣ взглянуть,

Бѣгу отъ нашей милой слки...

Среди блестящихъ какъ алмазъ
Невинныхъ чистыхъ дѣтскихъ глазъ.
Мнѣ жутко съ этой ложью гадкой...
Мнѣ плакать хочется украдкой...
Пропай! хочу, чтобъ на пути
Любовь и счастье вновь ты встрѣтилъ,
Чтобъ былъ твой жребій ясенъ,—снѣтъ!..
Не проклинай меня!.. Прости!..

* * *

...Твое письмо, какъ ты, полно однихъ загадокъ!
Кто пынче милъ тебѣ, тотъ завтра будетъ гадокъ...
Ты вся—сплошная ложь... плѣнительная ложь!
Душа, какъ твой нарядъ,—сѣтъ безконечныхъ скла-

докъ.

Нарядъ легко сорвать, но сердца не найдешь!
Простить?! И ждать опять «любовнаго припадка»,
Простить—и мучиться сомнѣньемъ каждый мигъ,
Что давить цѣпь тебя супружескихъ веригъ,
Что вновь тебѣ со мной не рѣдно, не сладко...
Годъ, цѣлый годъ умѣли жгать уста...
Простать—и вѣрить имъ?.. Безумная мечта!..

* * *

...Неистово пыхтя и пламя извергая,
Какъ звѣрь затравленный, курьерскій мчится въ даль...
Забуть-ли хочеть онъ гнетущую печаль,
Иль ждети его вдали подруга дорогая?
Куда стремится онъ?.. Настыгнуть-ли врага,
Чтобъ сразу кончить все въ послѣднемъ странномъ

спорѣ,

Иль хочеть онъ бѣжать отъ собственного горя
И позабыть на вѣкъ родные берега?..
Мелькаютъ станціи, рождокъ поеть тоскливо...
Изъ дверей кондуктора чернѣтъ сплутъ;
Онъ холодъ вьсетъ съ собой, войдя не торопливо...
Вотъ подошелъ ко мнѣ, лѣнливо «сдѣлалъ свѣтъ»...
Вотъ на меня взглянулъ недружелюбнымъ окомъ.
Зачѣмъ я эту ночь не дома, а въ пути?
Бѣдняга! Мы съ тобой гонимы злобнымъ рокомъ,
Но признака тоски я не могу найти
Въ простомъ его лицѣ, румянѣ и широкомъ...
Фонарь, какъ бѣлый глазъ, мигаетъ съ потолка...
А ночь, ночь впереди темна и глубока!..

* * *

И вотъ мы съ нимъ вдвоемъ въ больномъ пустомъ
вагонѣ,

— «Далеко ѣдете? Позвольте нанять билетъ!»
— Далеко, братецъ мой!.. Хочу объѣхать свѣтъ!—
Участія всякаго онъ чуялъ къ моей персонѣ...
Но, можетъ быть, и онъ несетъ въ своей груди
Змѣю сомнѣнія и ревности и муки.
И хочется мнѣ съ нимъ потолковать отъ скуки.
— Эй ты, любезнѣйшій, послунай, погоди!
— «Чего изволите?»—Всю ночьку продежурить?
— «До Эйска! Смѣйна тамъ». — Достань-ка спичекъ!..
Куришь?

На! Парочку возьми!.. До Эйска? Долго? Сроки!
— «Четыре часика, а то и весь пятокъ»..
Измаялся, небось? Въѣлъ служба трудновата!..
Женать? «Женать» — Давно? — «Шестой годокъ
идетъ!..»

— Ребята дома ждуть? Соскучилась жена-то?
— «Ужъ гдѣ тамъ ей скучать—работы полно въ ротъ:
Хозяйство на рукахъ и малыя ребята»...
— И что-же, братъ, она... хорошая жена?
— «Жена, какъ у другихъ... Гнѣвить не стану Бога!»
— Добра съ тобой? Вѣрна? — «Въ былые времена
По младости... былъ грѣхъ... попуталась немного...».
— Да? Обманула? — «Нѣтъ... смутилъ нечистый духъ...
Дорожный мастеръ сталъ ей дѣлать преференсы,—
Ну, и поплы у нихъ любовные романсы...
Потомъ покачалась... пришла и въ ноги бухъ...
«Прости, молъ, ты меня такую, да сякую»
— А ты-то, что-же, братъ? «Ну, я ее избилъ...
Сказалъ, что не прошу... да не хватило силы:
Я зналъ, что безъ нея замучусь, затоскую...
Ужъ очей я ее, безпутную, любилъ...».
Пріяель мой умолкъ... Коснулась старой раны
Воспоминаній злыхъ холодная стрѣла.
Но я былъ радъ, что съ нимъ судьба меня свела
Въ бѣгущемъ поѣздѣ, въ снѣгахъ глухой долины...
— Ну что-жъ потомъ? — «Потомъ? эхъ, я не помню зла...
Простилъ ей отъ души... у бабы дурь пропла.
Спокойно зажили, растимъ своихъ ребятокъ;
Одна печаль у насъ, что слишкомъ малъ достатокъ».

* * *

...Его безжизненный рассказъ
Безъ жалкихъ слонъ, безъ громкихъ фразъ.
Струей цѣлебнаго балзума
Влился мнѣ въ душу... Жизнь драма
Такъ просто имъ разрѣшена!..
Я захотѣлъ покоя, сна...
Успутъ!.. Я чувствовалъ усталость,
Покорность тихую судьбѣ...
Къ душѣ измученной, къ себѣ
Успокоительную жалость...
Я задремалъ, и въ дымѣ сна
Мнѣ сладко грезилась весна.

* * *

— «Вставайте, баринъ! Эйска! Покупать не хотите-ли—
Проснулся я—гляжу: вчерашній мой спаситель.
— Уходишь?.. Вотъ, возьми, и дѣтцамъ, и женѣ!
— «Благодарю-съ!» — «Постой! Не вытѣшь-ли здѣсь и
мнѣ?
Потомъ... Танц-ка пледъ!.. Сюда! «Продайте, ба-
ринъ!»
— Супругѣ кланяйся!.. Премного благодаренъ!..»

* * *

Я вышелъ на перронъ... Промчалась ночь глухая,
И солнце яркое глядитъ на мѣръ съ высотъ,
И просится душа изъ сумрака заботъ,
И прочь летитъ, какъ дымъ, злодѣйка грусть ли-
хая...

Смѣется лучъ, скользя по стѣжному пути...
«Прости», шипкаютъ воробушки, поркай.
И колоколь гудитъ: «прости ее, прости!».

Lolo.

„Исполненный долгъ“.

Шестнадцатаго сентября, наканунѣ премудрой
Софьи, всѣ болѣе или менѣе близкіе зна-
комые и родственники семьи Ждановыхъ,
получили, по городской почтѣ, слѣдующее посланіе:

«Петръ Ильичъ и Ольга Ильинишна Ждановы по-
корнѣйше просятъ (имя рекъ) почтить своимъ при-
сутствіемъ, имѣющійся состояться въ честь матери,
ихъ, Софьи Александровны, спектакль, на которомъ
будетъ представлена пьеса ихъ собственного сочи-
ненія подъ заглавіемъ: «Исполненіе долга». Начало
въ 7-мъ часовъ. «Это не вполне литературное посла-
ніе было прочтено всѣми, кому было адресовано,
съ большимъ интересомъ и сочувственными улыб-
ками.

«Ай да Пѣтушокъ! Ай да Оля! Ишь, что придумали?» говорили почти въ каждомъ домѣ, «надо поѣхать!» Такимъ образомъ случилось, что 17-го сентября, къ 7-ми часамъ вечера, не особенно большая квартира Ждановыхъ оказалась полной народу, къ нѣкоторому смущенію и недоумѣнію хозяевъ, для которыхъ такой наплывъ гостей былъ не совсемъ пріятнымъ сюрпризомъ. Хозяйка дома, съ нѣсколькими натянутой улыбкой, приветствовала названныхъ посѣтителей и ежеминутно выбѣгала въ заднія комнаты для совѣщанія съ экономкой.

Въ то же время, рядомъ съ гостинной, въ ком-
натѣ дяди Вани происходила невообразимая суета:

ташили и устанавливали стулья, зажигали лампы и пробовали—хорошо-ли дѣйствуетъ импровизированный занавѣсъ, сдѣланный изъ лѣтней маркизы.

Дядя Ваня, красный и вспотѣвшій, сбился съ ногъ и, не переставая укорялъ смущенныхъ, но счастливыхъ своей выдумкой—четырнадцатилѣтняго Петю и 13-ти лѣтнюю Олю, за ихъ несообразныя дѣйствія.—Отчего раньше не сказали? Сюрпризъ? Вотъ вамъ и сюрпризъ—наѣхало народу чело­вѣкъ сорокъ—стульевъ не хватаетъ, ужина не заготовлено, даже чаю не напасешься. Думали, что лучше, если никто не знаетъ? Вотъ вамъ и лучше: занавѣсъ не готовъ, прислуги мало. Отъ именинницы скрывали? Но мнѣ-то, мнѣ почему раньше не признались? Какъ смѣть разослать приглашенія, не совѣтуясь ни съ кѣмъ изъ старшихъ? Думали, что не позволятъ? Глупо, очень глупо! Позволили-бы, и все было бы съ толкомъ, а теперь...»

Виновники всей этой кутерьмы, авторы, они же и актеры, слушали заслуженные упреки, взволнованные и сконфуженные. Они и сами видѣли, что все вышло далеко не такъ просто, какъ имъ казалось. Написать пьесу они задумали давно, еще когда дядя Ваня свезъ ихъ на «Ревизора», при-

ведшаго ихъ въ восхищеніе. Сначала они сго разыгрывали между собой, исполняя всѣ роли, но потомъ имъ пришла въ голову блестящая идея, сдѣлать пробу пера. Оказалось, что сочинять совсѣмъ не трудно, и все пошло, какъ по маслу. Пьеса, по мнѣнію авторовъ, вышла очень удачно, тѣмъ болѣе, что была написана для двухъ лицъ.

Она была даже такъ трогательна, эта двухактная пьеса, что въ первое время, ни Петя, ни Оля, репетируя ее, не могли удержаться отъ слезъ. Конечно, чело­вѣкъ ко всему привыкаетъ, такъ что Петя съ Олей, — въ послѣднія двѣ недѣли, могли уже спокойно произносить свои монологи. Это-то было хорошо, но остальное выходило не совсѣмъ удачно. Прежде ихъ репетиціи происходили въ саду, въ бесѣдкѣ и все было такъ просто и мило: въ нужную минуту Петя уходилъ за бесѣдку, Оля продолжала то же, слѣдовательно выходъ и входы были удачны. Теперь же приходилось уходить въ бокъ и становиться такъ, чтобы публика не видѣла отсутствующаго. Въ бесѣдкѣ дикій виноградъ былъ природнымъ занавѣсомъ, теперь же пришлось шивать

и вѣшать маркизу. Хорошо еще, что дядю Ваню посвятили въ тайну съ утра, иначе ничего бы не вышло. Дядя былъ богатый, веселый и праздный чело­вѣкъ. Всю жизнь онъ ничего не дѣлалъ и радъ былъ всякому развлеченію. Онъ не служилъ, не занимался дѣлами, а, зная себѣ, отрѣзывалъ купоны, да проживалъ ихъ. Поэтому всякая затѣя, могущая наполнить день его суетой, была ему по сердцу. И

если онъ теперь ворчалъ на дѣтей, то вовсе не за то, что они задумали такой оригинальный сюрпризъ, а за то, что онъ былъ посвященъ въ него слишкомъ поздно и не имѣлъ возможности устроить спектакль настоящимъ образомъ.

— Что же вамъ нужно, оболтусы вы такіе? Я даже пьесы не знаю. Гдѣ дѣйствіе происходитъ? Какая обстановка? Что надо — садъ, лѣсъ или комнату?

Къ счастью для всѣхъ, постановка пьесы оказалась несложной: простая домашняя обстановка и притомъ одна и та же въ обоихъ актахъ. И каково же было изумленіе дяди Вани, когда актеры появились въ костюмахъ: на Петѣ былъ фракъ (козачка Мити), а на Олѣ бѣлое подвѣнечное платье (со слезами выпрошенное у экономки). Длиннѣйшая фата, искусно склеенная

Рождественская фантазія.

(Scatsch).

изъ папиросной бумаги, съ вѣткой бѣлыхъ розъ, довершала костюмъ Оли, и дядя Ваня долженъ былъ въ глубинѣ души сознаться, что Олина мордочка очень выигрывала отъ этого наряда.

Оля и Петя припали къ занавѣсу и съ любопытствомъ глядѣли на размѣщавшуюся публику. Народу было много. Всѣ приглашенные Петей и Олей были на лицо; нѣкоторые прихватили съ собой и дѣтокъ.

Папа и мама глядѣли не очень весело. Тѣмъ не менѣе, обязательная улыбка официального гостепріимства не сходила съ ихъ губъ.

— Ахъ, Марья Ивановна! Какъ это мило съ вашей стороны. И Жоржикъ и Соня съ вами? Ахъ, какъ это любезно! восторженно произносила мама, бросая въ то же время встревоженные взгляды на экономку, въ десятый разъ появляющуюся въ дверяхъ и подсчитывающую прибывающихъ гостей:

— Трое Перекатовыхъ, трое Сониныхъ—шесть! Батюшки, и всѣ Жаровы пожаловали, чтобы ихъ! Семенъ, бѣги на низъ, къ генералу, проси одолжить большой самоваръ, да чашекъ съ блюдами прихвати—своихъ не хватитъ. Батюшки! еще прива-

лило, — шепотомъ взвизгивала она, скрываясь за дверь. Въ залѣ опять слышались восторженные возгласы мамы: — Ахъ, какъ мило съ вашей стороны. Цѣлой семьей! Да это прелесть! Alexandre! Вели дать еще стульевъ! Alexandre, онъ же папа, съ пріятной миной выходилъ въ переднюю и тамъ сердито шепталъ экономкѣ: «пошлите еще за стульями къ генералу. Не напасешь на нихъ, дьяволовъ»!

Потомъ, возвратившись черезъ минуту, опять привѣтствовалъ гостей:

— Ахъ, какъ любезно, какъ мило съ вашей стороны...

Наконецъ, все устроилось, и гости кое-какъ размѣстились, папа и мама приняли торжественный видъ, и занавѣсь, какъ принято выражаться, взвился, т. е. послѣ долгихъ и тщетныхъ попытокъ съ лѣвой стороны дяди Вани, а съ правой Семена, кое-какъ раздвинулся, и внимательному зрителю представился коверъ посреди комнаты, представлявшій сцену, а на немъ, въ живописномъ беспорядкѣ, была разставлена сафьяновая мебель дяди Вани. Сцена была пуста, но черезъ мгновеніе изъ двери, ведущей въ дядину спальню, появились дѣйствующія лица.

Они были такъ милы въ своихъ торжественныхъ нарядахъ, раскраснѣвшіеся и робкіе, что невольная улыбка мгновенно скрасила всѣ, старыя и молодыя, лица.

«Новобрачные!» разнесся общій шепотъ, и всѣ, находившіе, что тѣсно, всѣ не имѣвшіе стульевъ и папа, и мама, сердитые за глупый сюрпризъ — всѣ мгновенно забыли свои неприятыя ощущенія.

Петя былъ недоволенъ: фракъ жалъ подъ мышками, бумажный воротничекъ подходилъ подъ самыя уши, притомъ же онъ былъ безъ перчатокъ, что его ужасно мучило — вѣдь, какъ ж е т с я, подъ вѣнецъ никто не идетъ безъ перчатокъ?

Оля, не только красивая, но и чувствующая себя превосходно въ подвѣчномъ нарядѣ, сильно тревожилась тѣмъ, что не успѣла выйти, какъ уже забыла первую фразу. Впрочемъ, Петя, обладавшій чудесной памятью, общалъ ей подсказывать. Представленіе началось.

«Жена моя», говорилъ Петя, «дорогая жена», и голосъ его дрожалъ, и онъ элегантно наклонился и поцѣловалъ Олѣ руку, какъ дѣлаетъ это папа, когда мирится съ мамой. «О какое счастье, что мы наконецъ обвѣнчались!» Затѣмъ Петя произнесъ длиннѣйшій монологъ, во время котораго бѣдная Оля, не зная, что съ собой дѣлать, милосердно теребила ленты своего пояса. Петя же очень бойко говорилъ свою, хорошо за-

тверженную, роль. Изъ монолога можно было узнать печальное прошлое новобрачнаго. Прежде, чѣмъ обвѣнчаться съ любимой невѣстой, бѣдный женихъ долженъ былъ пройти черезъ невѣроятныя испытанія. Такъ, какимъ-то невыясненнымъ образомъ, онъ узналъ, что онъ не простой смертный, а сынъ, скрывавшагося отъ семьи въ Австраліи, архимилліонера. Естественно, что у него явилось желаніе доставить своей будущей женѣ

Отецъ и дѣти
Ванюшины.
(Шарисъ).

богатство; и вотъ онъ, не долго думая, пустился въ невѣдомую страну, чтобы найти отца и заставить его, признавъ своимъ сыномъ, удѣлить ему нѣсколько милліоновъ, необходи-

мыхъ для женитьбы. Тогда онъ пустился въ рискованное и долгое путешествіе. Можно себѣ представить, какія испытанія и бѣдствія пришлось ему перенести, прежде чѣмъ достигъ цѣли! Прежде всего (какъ водится, понавѣ юнгой на корабль), онъ вынесъ цынгу, почти уничтожившую его зубы (Густавъ Эмаръ). Затѣмъ буря сбросила его съ мачты и онъ сломалъ себѣ позвоночный столбъ. Корабль былъ разбитъ бурей и нашъ герой былъ выброшенъ на необитаемый островъ (Робинзонъ Крузо). Но островъ оказался, однако, населеннымъ людоедами, которые выразили желаніе разрѣзать его на куски и полакомиться имъ («Всадникъ безъ головы»), но въ то время какъ они, приготовляясь къ пиршеству, затѣяли пляску, ему удалось спрятаться въ отверстіе скалы, чтобы избѣжать адской кухни. Но едва онъ успѣлъ передохнуть отъ волненія и оглядѣться, какъ услышалъ зловѣщее шипѣніе. Оказалось, что въ углу пещеры притаилась огромная очковая змѣя (Жюль Вернъ), не сводившая съ него своего блестящаго взгляда. Въ эту критическую минуту несчастного осѣнила

благодатная мысль усыпить змѣю. («Охотники за змѣями» — «Природа и Люди»). И о чудо! Гадъ началъ дышать все рѣже и рѣже и наконецъ закрылъ глаза. Когда дикари, тицетно его искавшіе, наконецъ, ушли, и онъ выльзъ изъ своего заточенія, естественно, онъ не пожелалъ оставаться болѣе на негостепріимномъ островѣ. На его счастье на берегу моря оказалась хорошо просмоленная бочка, въ которой ему и пришлось совершить путешествіе черезъ океанъ. Въ дорогѣ случались кое-какія непріятности; такъ, стоя акулъ непрерывно слѣдовала за нимъ; затѣмъ пришлось постоянно стучаться головой о бочку, и наконецъ, провести безъ пищи и питья десять дней. — Но гдѣ и съ кѣмъ не бываетъ непріятностей?

По прибытіи на материкъ герой снова попалъ въ руки дикарей, и королева племени захотѣла его взять въ мужья, но помня свою дорогую невѣсту, герой предпочелъ всякія пытки, чѣмъ нарушить свои клятвы. И все-таки онъ нашелъ своего дорогого отца, который не только призналъ его, но и далъ ему шесть милліоновъ, чтобъ онъ могъ соединить судьбу свою съ дорогой ему женщиной! (Такъ эффектно закончилъ Петя свой монологъ). Затѣмъ онъ взялъ за руку сильно покраснѣвшую Олю, вперившую въ него отчаянный взоръ, и быстро подсказалъ: «Я также, мой дорогой, перенесла многія страданія!»

Оля заторопилась и, не переводя духа, скороговоркой, стала передавать свои бѣдствія. Они были также ужасны. Оказалось, что, когда женихъ ея уѣхалъ за милліонами, злая мачиха выгнала ее изъ дому за то, что она не хотѣла выйти замужъ за очень злого старика. Долго искала бѣдняжка какой нибудь работы и пришлось ей въ концѣ концовъ поступить надзирательницей въ домъ умалишенныхъ, гдѣ какой-то злой горбунъ ужасно ее преслѣдовалъ и разъ даже хотѣлъ посадить ее въ ванну съ кипяткомъ. Ей удалось бѣжать оттуда и съ первымъ же кораблемъ уѣхать въ Калифорнію. Тамъ съ ней были тоже кое-какія приключенія, вродѣ, напимѣръ, наводненія, отъ котораго она спаслась на дивной лошади и т. п. Самое же обидное, что ее ограбили въ дорогѣ и отняли все нарытое золото. Тогда она переодѣлась монахиней и собирала подаянія.

Разсказъ о такихъ экстраординарныхъ приключеніяхъ произвелъ сильное впечатлѣніе на юную часть публики; старшіе улыбались и съ любопытствомъ ждали, что будетъ дальше. Послѣдовалъ діалогъ:

Она. Дорогой мой! Теперь, когда мы обвѣнчались, мы ужъ никогда не разстанемся? Не правда-ли?

Она. О, мое сокровище! (цѣлуетъ ее). Ничто въ мірѣ не можетъ заставить меня покинуть тебя, развѣ только исполненіе долга! Ты знаешь, — долгъ прежде всего!

Она. О, мой дорогой! Будемъ надѣяться, что насъ теперь ужъ ничто не разлучитъ. Здѣсь (указывая направо) мы разведемъ садъ, гдѣ будутъ цвѣсти самыя пышныя цвѣты. Здѣсь (указывая налево) мы устроимъ маленькій звѣринецъ, гдѣ у насъ будутъ самыя лучшія животныя: тигры, барсы и даже львы и мы, въ свободное отъ трудовъ время, будемъ наслаждаться дарами природы.

Онъ. О, какое счастье! Какъ я радъ! Лишь бы только...

Она (съ безпокойствомъ). Что только?

Слуша (Семень — крайне добросовѣстно). Сударь — вамъ депеша. (Подаетъ служебную бумажку и уходитъ).

Онъ (читаетъ). О, Боже!

Она. Что такое?

Онъ (падая на стулъ). Я долженъ ѣхать — сейчасъ, сію минуту. Я не могу медлить. О, горе, горе!

Она (съ ужасомъ). Куда? Зачѣмъ?

Онъ. Меня призываютъ на войну съ бурами. Долгъ прежде всего. Прощай.

Она (плача). О господи, Господи!

Онъ. Прощай, моя дорогая, прощай. Будь тверда, какъ я твердъ (обнимаетъ ее и уходитъ на войну. Новобрачная, плача, провожаетъ его до двери). Зававѣсь.

ДѢЙСТВІЕ II.

Прежде всего за закрытымъ занавѣсомъ кто-то произноситъ громкимъ голосомъ: «Между I и II актами проходитъ десять лѣтъ». Затѣмъ занавѣсъ пресжнимъ способомъ взывается. На сценѣ находится героиня въ томъ же самомъ подвѣнечномъ платьѣ, какъ и десять лѣтъ тому назадъ. Въ маленькомъ монологѣ, это нѣсколько странное обстоятельство объясняется тѣмъ, что вѣрная подруга ждетъ мужа, возвращающагося съ войны съ бурами, и желаетъ встрѣтить своего мужа въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ они разстались. На сценѣ та же обстановка, за исключеніемъ только довольно большого шкафа, который занимаетъ среднюю часть сцены и такимъ образомъ находится прямо передъ глазами зрителей. Появляется герой и видимо изъ тѣхъ же побужденій, какъ и его подруга жизни, одѣтъ въ тотъ же фракъ, какъ и десять лѣтъ назадъ, но грудь его сверху до низу украшена звѣздами и орденами. Тутъ наступило самое трогательное, по мнѣнію авторовъ, мѣсто, вызвавшее на репетиціяхъ у Оли и Пети обильныя слезы.

Онъ. О, дорогая! (обнимаетъ жену) наконецъ-то послѣ десяти лѣтъ разлуки — я могу прижать тебя къ своему сердцу. Какое счастье! Какая радость. Дай взглянуть на тебя (отступаетъ на одинъ шагъ). Ты нисколько не измѣнилась! Ты такая же (съ нѣкоторой запинкой) прекрасная!

Она (трогательно). О, мой дорогой! Какъ тянулось безъ тебя время! Какъ часто бодрость совѣмъ покидала меня и я призывала смерти! Но мысль, что ты вернешься, поддерживала меня. А ты (смотря на него съ восхищеніемъ), ты все такой же красавецъ. Расскажи мнѣ, какъ ты проводилъ время въ эти десять лѣтъ нашей разлуки?

Онъ (гордо). Мнѣ не хватило бы нѣсколькихъ лѣтъ, чтобъ разсказать тебѣ это. Все время мы дрались, защищались, поражали англичанъ. Каждое сраженіе я подвергался смертельной опасности, но за то каждое сраженіе приносило мнѣ новую славу.

„ЗЕЛЕНЫЙ ПОПУГАЙ“.
(Постановка любительскаго кружка въ залѣ Павловой).

Типъ изъ толпы.

Деветъ, Бота, Крюгеръ — это все мои друзья. Мы вмѣстѣ дѣлили опасности, и ушли только тогда, когда побѣдили Англію. Вотъ смотри (указывая на орден). Вотъ лучшее доказательство, что я исполнилъ свой долгъ!

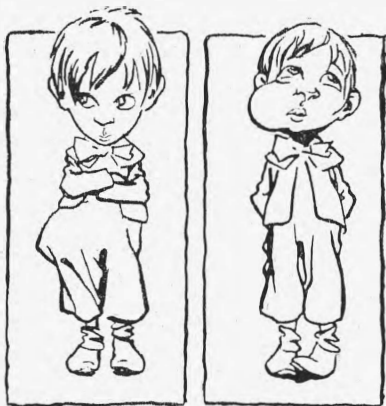
Она (бросаясь ему на шею). Милый, какой ты храбрый! Ты побѣдилъ всѣхъ. Тебѣ обязаны бури побѣдой надъ Англіей. Какое счастье быть твоей женой! Я горжусь, что ному твое имя. Но я докажу тебѣ, что я съ честью носила его. Взгляни! (бѣжить къ шкафу и настежь отворяетъ его. Онъ оказывается биткомъ набитымъ разными куклами. Тутъ и большія и маленькія; гусаръ и два солдата; водовозъ на бочкѣ; паяцъ на веревочкѣ; двѣ куклы изъ тряпокъ; есть и изъ папье-маше; одна кукла особенно хороша, съ длинными локонами и въ балъномъ платьѣ, а потому находится на первомъ планѣ. Оля торжественнымъ жестомъ указываетъ Петѣ на полный куколъ шкафъ и говоритъ съ пафосомъ:

— Видишь—я тоже не теряла даромъ времени эти десять лѣтъ. Это все наши дѣти—обними ихъ!»

Она (протягивая руки). Наши дѣти? Какое счастье! (хочетъ продолжать, но гомерическій хохотъ гостей прерываетъ его слова). Дѣти съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга: такая трогательная сцена вызываетъ такой неожиданный результатъ. Они не выдерживаютъ обиды и убѣгаютъ за кулисы. Тамъ Петя, весь красный, съ гнѣвомъ говоритъ озадаченной Олѣ, топя ногой:

— У! дура! Я говорилъ, что куколъ надо было разсадить по кресламъ... Гдѣ же видано, чтобы дѣтей въ шкафъ запирали? Вся пьеса пропала изъ за такой глупости!

С. Шевиль.

ТАЙНА.

Зимній сумракъ тихо струился въ большое окно съ потолка. И по мѣрѣ того, какъ сгущался онъ и таяли въ немъ очертанія, силуэты—убранство мастерской казалось все фантастичнѣе. Золотыя рамы портретовъ еще не успѣли погаснуть, еще не померкли тусклѣющіе облики, и живописные бородастые мужчины пылливо искали кого-то глазами въ неподвижныхъ свинцовыхъ потемкахъ, и какъ будто, улыбаясь кому-то нарядныя дамы...

Словно бѣлые призраки, притаялись и замерли статуи. Сѣрымъ пятномъ мерещилась громадная голова Люція-Вера, точно монашескимъ капюшономъ, задралированная темной матеріей. Властно и холодно, какъ языческой богъ, смотрѣлъ красавецъ-римлянинъ изъ-подъ аскетическаго капюшона на манекенъ въ пышномъ костюмѣ богатой щеголихи. И отъ слѣпаго загадочнаго взгляда Люція-Вера лятился манекенъ и такъ умоляюще простиралъ изъ кружевныхъ рукавовъ скрюченные костлявые пальцы, словно въ полотняной груди его вмѣсто оливокъ, трепетало женское сердце.

А большое верхнее окно струило въ это царство пѣмыхъ призраковъ густѣющей сумракъ. Но призраки не одни населяли мастерскую; въ ихъ обществѣ находился живой человекъ. Широкая оттоманка въ углу почти слилась съ окружающей тьмою, и только ярко вспыхивающій уголекъ подсказывалъ, гдѣ она. Художникъ Чумаковъ лежалъ и нервно курилъ сигару. Мгновѣніями огонекъ озарялъ интересное близзенное лицо съ острой бородкой, густыми усами и темной гривой волосъ. Черные глаза не отрываясь смотрѣли на мольбертъ съ начатымъ полотномъ. Неопредѣленнымъ четырехугольнымъ обозначалось полотно во мракѣ, но художникъ видѣлъ нарисованную углемъ женскую фигуру, жиденькій подмалевокъ лица, видѣлъ нѣсколько робкихъ мазковъ, возлѣ пустыхъ глазъ и цѣлкомъ во всемъ ужасѣ ея впечатлѣніи видѣлъ картину, которую такъ мучительно хотѣлось написать ему и предъ которой такъ беспильны были и кисть его, и творческое воображеніе...

Полгода не видался онъ...

Полгода стоитъ на мольбертѣ началъ работа и протонитъ долю еще. А межъ тѣмъ, всѣ его помыслы, весь смыслъ жизни, сосредоточились на ней. Онъ ревниво бережетъ ея тайну, прячетъ отъ чужихъ глазъ и только оставался одинъ, смотреть на нее по цѣлымъ часамъ. И чѣмъ сильнѣе болитъ душа, тѣмъ упорнѣе онъ смотритъ.

Быстро бѣжитъ время. Давно ли было теплое лѣто, было счастье, а съ нимъ и мечта написать завѣтную картину? А теперь зима, холодная, суровая. И вмѣстѣ съ ней, съ исчезновеніемъ Риммы, мечта застыла, замерзла, и нѣтъ надежды на осуществленіе!

Гдѣ сейчасъ Римма? Съ кѣмъ встрѣтитъ новый годъ? Навѣрное одна въ своей убогой комнатѣ. Она всегда была одинока. Гордое существо, непопнтное, странное! Она любила его. А онъ? Развѣ онъ не любилъ ее хорошимъ пѣжнымъ чувствомъ? Такіе, какъ Римма не умѣютъ прощати. Она не простила ему мимолетнаго романа съ Чернявской. Тамъ не было и тѣни увлеченія, одна чувственность. О, какъ онъ не правъ теперь эту Чернявскую! Римма ушла и не вернется больше. Для него она умерла—навсегда. Ярко, до мелочей, помнить онъ разставаніе. Онъ умолялъ простить, цѣловалъ платье, клылся. Она была непреклонна. И ушла...

Сколько глубокой тоскоюющей любви мерцало въ послѣднемъ ея взглядѣ.

Всѣ попытки къ примиренію были тщетны. Римма замкнулась въ своей убогой комнаткѣ.

Сигара догорѣла и окурокъ жегъ губы и пальцы.

Чумакову тридцать пять лѣтъ. Академію онъ кончилъ недавно—года три назадъ. Онъ поздно нашелъ самого себя и поздно рѣшилъ, что единственное его призваніе — живопись. Но талантъ и трудъ помогли. Онъ не душно рисовать и еще лучше писалъ широкой размашистой манерой. Что-то тревожное, почти болѣзненное чувствовалось въ его первомъ мазкѣ. Онъ весь былъ сотканъ изъ первовъ. Кажется, у него порокъ сердца. Что-то обалтательное таится въ людяхъ съ порокомъ сердца. У женщинъ Чумаковъ пользовался успѣхомъ. Ихъ тянуло узнать, какимъ огнемъ горитъ въ минуту страсти эти глубокие темные глаза, и что шепчутъ эти яркія, будто кровь, губы...

Пенсионеръ академіи — Чумаковъ вернулся изъ-за границы недавно. Гдѣ-то на югѣ, близъ Одессы, умерла его мать, оставивъ сыну около двухъ тысячъ. Онъ сплѣлъ обширную мастерскую съ кухней и комнатой. Благодаря большому знакомству, Чумаковъ имѣлъ портретные заказы. Въ два-три часа онъ писалъ при электричествѣ этюды женскихъ головокъ и получалъ за нихъ сто-полтораста рублей. Бумажникъ его всегда былъ набитъ деньгами. Будущность была обезпечена.

Въ обществѣ онъ красиво и страстно говорилъ объ искусствѣ. Глаза его сверкали и дамы таяли отъ восторга. Мужчины не любили его и завидовали.

Но дѣйствительность не удовлетворяла Чумакова. Временами онъ закучивалъ, возвращался домой съ пустымъ бумажникомъ и жестокой головной болью. Тогда онъ не принималъ никого, валялся, охая, на оттоманкѣ, и прислуга—чухонка Лиза дѣлала ему компрессы.

Славолюбивый, какъ всѣ люди либеральныхъ профессій, Чумаковъ хотѣлъ написать что нибудь особенное, выдающееся, о чемъ бы сразу заговорили и печать и публика. Въ минуты хандры, когда онъ ворочался на оттоманкѣ съ туго перетянутой полотенцемъ головой и проклиналъ все на свѣтѣ, у него зародилась идея картины.

Хотѣлось написать одну только женскую фигуру, которая олицетворяла бы собой тоску, отчаянную, безна-

дежно-мрачную, отъ которой нѣтъ спасенія, кромѣ смерти. Хотѣлось, чтобъ эта тоска смотрѣла на зрителя отовсюду: изъ глазъ, изъ скорбныхъ губъ, изъ крѣпко стиснутыхъ рукъ...

Но гдѣ найти натурщицу? Съ кого напишетъ онъ свою „Тоску“? Все такія тускляя лица, то прозаическія, жизнерадостныя, то бавальныя до противнаго. Чумаковъ томился, бродилъ цѣлые дни по улицамъ и жадно всматривался въ мелькавшихъ мимо женщинъ...

Никого!..

Былъ осенній вечеръ. Моросилъ дождь. Надъ холодной, чернѣющей какъ мрачная бездна Цевой, клубился молочный туманъ. И тускло, будто звѣздочки чуждаго царства, — свѣтились огни фонарей.

У мокрыхъ сѣпиксовъ, пезыблемыхъ, загадочныхъ, словно вѣчная тайна, стоялъ Чумаковъ; воротникъ пальто былъ приподнятъ, шляпа надвинута на брови. Онъ думалъ, какъ ничтожна вся его жизнь, съ относительнымъ комфортомъ ея, портретными заказами, легкими побѣдами и какъ скучно жить, вообще... Взглядъ художника тонулъ въ темномъ прострѣствѣ, силась что-то увидѣть, за густымъ облакомъ тумана. Но молочный туманъ тихо клубился непроницаемый, холодный...

Какая-то непонятная сила толкнула вдругъ Чумакова обернуться. Беззвучно, торопливо, прошла женщина въ черномъ. Только одинъ мигъ видѣлъ онъ лицо ея, но запечатлѣлъ его съ яркостью поразительной...

Она! Это „Тоска“ его прошла мимо! Что-то дрогнуло въ груди Чумакова, оборвалось... Столбнякъ овладѣлъ имъ. Когда онъ очнулся, женщина въ черномъ была далеко и художавую, стройную фигуру заволакивало туманомъ.

Онъ бросился къ ней, какъ безумный.

— Выслушайте меня!.. Не удивляйтесь!.. Ради Бога, выслушайте!.. Позируйте мнѣ, умоляю васъ!

Она остановилась; глаза ея были полны недоумѣнія.

Да, именно такой мерещалась ему „Тоска“! Эти глаза ему пужны, эти черты, эти горестныя складки у рта...

Они пошли рядомъ.

Старенькій жакетъ, старенькое платье. Она торопилась съ урока домой. Молча внимала Римма. лихорадочнымъ страстнымъ рѣчамъ.

Такъ началось ихъ знакомство.

Что-то стихійное толкнуло ихъ другъ другу въ объятіи. Словно любовь ихъ созрѣла давно, безъ ихъ вѣдома. Любовь сильная, всемогущая.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

«Комета». Константинъ Ракитинъ.

Теперь, когда для „Тоски“ явилась чудная модель, онъ не спѣшилъ работать. Картина въ его власти и это успокоило его. За то жадно, подолгу, изучалъ онъ лицо Риммы, выраженіе глазъ, изучалъ каждую черточку.

Онъ былъ счастливъ. Но была ли счастлива Римма? Пожалуй да, если только это чувство доступно ея загадочной, странной натурѣ. Она продолжала свою бѣготню по дешевымъ урокамъ, продолжала жить въ убогой комнаткѣ.

Наконецъ, сидя однажды въ мастерской, Римма безсознательно приняла ту позу, какая давно создалась у него. Онъ схватилъ уголь и нѣсколькими ударами набро-

салъ контуръ „Тоски“. Потомъ, вечеромъ, совершенно случайно, она узнала про исторію съ Чернявской...

И ушла...

Крѣпкая сигара ошпыляла Чумакова. Кругомъ царилъ густой мракъ и призраки — статуи исчезли въ немъ совершенно, будто растаяли. Странное состояніе овладѣло художникомъ. Онъ не спалъ, но и не бодрствовалъ. Мозгъ дремалъ и въ то же время напряженно работалъ, силась

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

«Комета». Князь Дронниковъ — г. Ленскій.

разобраться въ какихъ-то безформенныхъ ощущеніяхъ. Онъ утратилъ всякое понятіе о времени...

... Чьи-то холодныя губы прикоснулись къ его лбу. Тонкая фигура женщины въ черномъ склонилась надъ нимъ.

— Римма, ты?!

— Я, милый, — тихо прошептала она.

Что это, сонъ? Нѣтъ. Изъ-подъ вуали на него глядѣли тоскующіе глаза, полные мерцанія глубокой любви.

— Она пришла, вернулась.

Онъ осыпалъ поцѣлуями ея руки. И слезы капали на нихъ изъ глазъ художника. Радостныя, счастливыя слезы...

Римма вѣжно, по матерински, гладила его волосы и невыразимо мила, отрадна была ему эта тихая ласка.

— Ты простила меня, да? Мы встрѣтимъ новый годъ? Теперь начнется новая жизнь, свѣтлая, ясная, безоблачная... Но говори, говори... Все тоскуешь?!

— Прежде тосковала, теперь легче, теперь мнѣ очень легко...

— А меня не жалко? Разлюбила меня?

— О, нѣтъ, милый. Я люблю тебя еще больше, только мое чувство особенное... Но, будетъ объ этомъ... Я сплуну. Я пришла позировать. Время бѣжить, за работу!.. Я тороплюсь...

— Куда же?

— У меня еще много дѣла, очень много.

Надежда погасла въ глазахъ Чумакова. Онъ всталъ, сухо щелкнула кнопка и цѣлые потоки яркаго свѣта мгновенно залили мастерскую. Все, точно по волшебству, вынырнуло вдругъ изъ мрака — и Римма, и статуи, и голова Люція-Вера въ монашескомъ капюшонѣ, и умоляющій его о пощадѣ манекенъ въ пышномъ платьѣ, и портреты въ золотыхъ рамахъ, и мольбертъ съ начатой „Тоской“.

Порывистыми, спѣшными движеніями Римма приподняла вуаль, сняла шляпу, сблала...

Глядя то на нее, то на холстъ, Чумаковъ заработалъ углемъ. О, теперь „Тоска“ была опять въ его власти! Нѣсколько нервныхъ мастерскихъ ударовъ сдѣлали чудеса. Глаза „Тоски“ были живые глаза, до ужаснаго живые. Они устремились въ пространство ничего не видя, не замѣчая. Одна безпросвѣтно мрачная дума заполонила ихъ. Цѣлый океанъ скорби! — Еще нѣсколько ударовъ угля и горестныя скорбныя складки легли у губъ. Худыя стиснутыя руки оцѣпенѣли, сжимая другъ друга.

И въ страхѣ отшатнулся художникъ отъ мольберта.

Никто никогда не достигалъ такой изобразительной силы! Такую чудовищную картину нельзя написать безнаказанно. Сердце разорвется. Чумакову померещилось, будто мраморная статуя въ ужасѣ глядитъ на „Тоску“ и прозрѣли ихъ пустыя очи. Даже застывшій въ своемъ пресмыщенномъ надменномъ величьи Люцій-Веръ оторвалъ взглядъ отъ манекена и перевелъ его на мольбертъ.

Римма встала.

— Иду, я не нужна тебѣ больше...

— Римма, пожалѣй меня. Оставь свою гордость! Я жить безъ тебя не могу... Счастье улыбается намъ. Напишу картину, она прогремитъ, все будетъ у насъ...

Она тихо покачала головой.

— Нѣтъ, милый...

И стала надѣвать шляпу.

— Я провожу тебя...

— Ради Бога, не дѣлай этого, умоляю... Если любишь меня, — не провожай.

Она ушла, непреклонная, неумолимая...

Мрачное отчаяніе придавило Чумакова, угнетало его. Онъ стоналъ, рвалъ на себѣ волосы, метался по мастерской. Но острый порывъ миновалъ. „Тоска“ влекла его къ себѣ неудержимо. Если набросокъ углемъ пробуждаетъ трепетъ, то каково же будетъ впечатлѣніе, когда онъ напишетъ ее? Миръ дрогнетъ! Нѣтъ личного счастья, — надо работать для искусства, и онъ будетъ работать, трудиться не покладаячи рукъ!

Первы его напряглись до крайности. Мutilась голова отъ роя нахлынувшихъ мыслей. Не надо думать, надо забыть. На время перестать существовать, иначе будетъ скверно. Можно обезумѣть. Чумаковъ позвонилъ прислугу, велѣлъ принести коньяку и мрачно, ожесточенно пилъ стаканъ за стаканомъ. Новый годъ онъ встрѣтилъ на отомалкѣ безчувственный, блѣдный съ полураскрытымъ занепшимся ртомъ.

Проснулся онъ рано. Мутный разсвѣтъ робко глядѣлъ въ окно мастерской. Необычайно свѣжимъ и бодрымъ чувствовалъ себя художникъ. Головныхъ болей и въ поминѣ нѣтъ. Онъ велѣлъ никого не принимать. Досталъ изъ шкала нѣсколько этюдовъ Риммы и съ лихорадочной энергіей принялся за работу. Къ сумеркамъ, когда короткий зимній день погасъ, „Тоска“ была окончена. Последній мазокъ — и Чумаковъ словно очнулся отъ гипноза.

Безъ трепета онъ не могъ смотрѣть въ глаза „Тоски“. Страшное впечатлѣніе! Точно холодный духъ смерти виталъ надъ полотномъ. Явилась неудержимая потребность сейчасъ-же, сію минуту, показать картину живому существу.

— Лиза! — крикнулъ онъ.

Прислуга накрывала къ обѣду и вошла съ тарелкой.

— Посмотри!

Лиза вздрогнула, выронила тарелку и въ неподдѣльномъ искреннемъ ужасѣ попятилась къ столовой.

Чумаковъ торжествовалъ. Если тупая, глупая чухонка поражена такъ, — чтожь будетъ съ публикой? Вечеромъ онъ пригласилъ къ себѣ товарищей. Онъ съ наслажденіемъ видѣлъ, какъ мѣнялись ихъ лица, какъ ошеломила всѣхъ его новая картина. Восторженно, горячо поздравляли они Чумакова, крепко жали ему руки. При видѣ такой гениальной, небывалой вещи, даже самыя недоброжелательныя завистливыя сердца смягчаются и полны умиленія...

Но мысль о Риммѣ не покидала Чумакова. Утромъ онъ похалъ въ адресный столъ, узналъ адресъ Риммы и похался къ ней. Глухая, отдаленная улица, второй дворъ громаднаго дома. Онъ взбѣгаетъ на пятый этажъ по узкой крутой лѣстницѣ, порывисто звонитъ...

— Римма Михайловна здѣсь?

— Они жили у насъ, только два мѣсяца назадъ, царство имъ небесное, померли... Простудились, бѣгавши по урокамъ и... померли. На Митрофаньевскомъ теперь лежатъ...

Дикий нечеловѣчскій крикъ вырвался изъ груди Чумакова.

Обуреваемый горемъ, мучимый чудовищной загадкой таинственнаго появленія Риммы, художникъ пропадалъ нѣсколько сутокъ, и кочуя изъ ресторана въ ресторанъ пилъ мертвую. Онъ сирывалъ тизну по утасей любимой женщинѣ. А когда, наконецъ, явился домой и Лиза открыла ему дверь — она не узнала своего барина, опухшаго, вскоченнаго, въ заикающемъ вѣномъ блѣдѣ.

— Баринъ, несчастье случилось! — пачала Лиза.

Онъ тупо, бессмысленно уставился на нее мутными глазами. Самое страшное чудовищное несчастье уже стряслось надъ нимъ и теперь ничѣмъ не удивишь его.

— Что такое?

— Картина пропала.

— Какая картина?

— Страшная, я еще тарелку бросила, когда смотрѣла...

Чумаковъ ворвался въ мастерскую и замеръ пораженнымъ...

Мольбертъ былъ пустъ...

А въ дверяхъ выросъ артельщикъ. Онъ пришелъ за „Тоской“, чтобы унести ее на выставку.

— Картиночку, баринъ, пожалуйста. Распорядитель прислалъ...

— Вонъ!!

Чумаковъ затопалъ ногами, пошатнулся и какъ подкошенный грохнулся на полъ...

И. Бренко-Бренковскій.

Театральныя замѣтки.

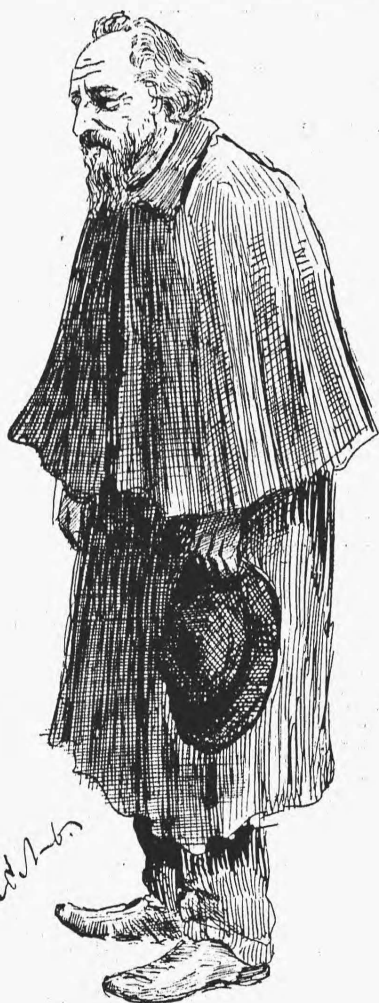
Одинъ изъ сотрудниковъ «Театра и Искусства» собрался написать статью «О нищѣанствѣ въ русской драмѣ», и просилъ меня дополнить составленный имъ списокъ пьесъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, отразилось ученіе Ницше. Я посоветовалъ ему прежде всего взяться за «Комету» Вл. О. Трахтенберга. Несомнѣнно, что эта пьеса есть, такъ сказать, иллюстрація нищѣанской доктрины. Въ этомъ ея новизна и оригинальность, но въ этомъ же и главная ошибка автора.

Вліяніе философіи на искусство, въ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ, ничтожно. Искусство, т. е. художественное творчество, обыкновенно предшествуетъ философіи, и хотя я не на столько знакомъ съ матеріалами по біографіи Ницше, чтобы сказать это съ увѣренностью, однако, я думаю, что смутные образы Достоевскаго гораздо больше повліяли на философію Ницше, чѣмъ какая-бы то ни было философія — на автора «Братьевъ Карамазовыхъ» и «Бѣсовъ». Искусство потому идетъ впереди мысли, что оно — «интуитивно», полу-бессознательно, что

оно—отгадчикъ «вѣщихъ сновъ», въ полномъ смыслѣ этого выраженія. Философія же прежде всего должна имѣть какое нибудь достаточное основаніе, изъ котораго строить, путемъ логическихъ црѣмовъ, свою систему. Ницше—геніальный критикъ Достоевскаго, Рих. Вагнера и др. художниковъ—могъ создать новыя идеи, но не новыхъ людей и не новые образы, и если этой философіею упиваются, то не потому, что перерождаются подъ ея вліяніемъ, но потому, что въ ней находятъ теоретическое оправданіе своей натуры и своихъ страстей. Слѣдовательно, натуры и страсти должны существовать раньше, и дѣло философіи—найти имъ мѣсто въ логическомъ ряду.

Гюйо совершенно справедливо указываетъ на то, что художникъ говоритъ «новую жизнь», до него не существовавшую и что, затѣмъ эта новая «возможная» жизнь повторяется во множествѣ отпечатковъ подражателей. Этого не можетъ сдѣлать философія. Базаровыхъ создала не философія материализма,

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

«Лишенный правъ».

Г. Ге въ роли Домбровича.

Бюхнера и Молешота, но тургеневскій герой, который сказалъ Аркадію: «дай отцу, вмѣсто Пушкина, «Stoff und Kraft», что-ли, для начала». Именно герой художественнаго произведенія плѣняетъ людей, сочувственно къ нему расположенныхъ, преимущественно молодыхъ, и тѣ, инстинктомъ подражанія, создаютъ поколѣніе уже реально, дѣйствительно существующее. Такъ, Онѣгинъ, создалъ Онѣгиныхъ, Печоринъ—Печориныхъ, Чайльдъ—Гарольдъ—Чайльдъ—Гарольдовъ, Вертеръ—Вертеровъ. Но гегеліанство не создало гегеліанцевъ въ жизни, а только въ философіи, Шопенгауэръ породилъ философскія теченія, но не живыхъ людей и т. д.

Путь для художника, такимъ образомъ, остается всегда одинъ: изученіе природы, жизни, людей, съ своей точки зрѣнія. Вѣроятно, и ницшеанцы у насъ есть—т. е. ницшеанцы жизни, а не философіи—о чемъ можно судить по тому, что философіей Ницше многіе увлекаются, стало быть, ее чувствуютъ, но ихъ нужно наблюсти въ жизни, выхватить оттуда цѣликомъ, и только слегка «препарировать» философскою доктриною. Г. Трахтенбергъ въ «Кометѣ» пошелъ съ другого конца. Онъ создалъ «сверхъ—человѣка» прямо по рецепту философіи Ницше и заставилъ его разыграть предъ нами житейскую драму. Это—съ художественной точки зрѣнія, малоубѣдительно.

Читатели знаютъ пьесу, напечатанную въ нашемъ журналѣ, и потому считаю лишнимъ останавливаться на пересказѣ пьесы «Кометы».

Роговичъ, несомнѣнно, проповѣдуетъ ницшеанство когда говоритъ: «отбросьте-ка всю эту маскарадную ветошь, которая зовется современной нравственностью, и въ человѣкѣ останется только одно личное «я», ради котораго онъ, сколько ни кривляется, пожертвуетъ всѣмъ». Или: «только одинокій можетъ ненавидѣть и жизнь, и людей съ той искренней страстью, какой они заслуживаютъ» и т. д. Личность-же Роговича, складъ, его фигура, его жизнь—все это въ высшей степени неопредѣленно. Инженеръ, берущій взятки съ подрядчиковъ, холостой, гордый, повидимому, польскаго происхожденія («Виталій Казимировичъ») — вотъ все, что мы о немъ знаемъ. Да еще: одна женщина хотѣла его ударить, но онъ «опередилъ ее», послѣ чего едва не бросился изъ окна, но потомъ передумалъ и «какъ бы по наитію», понялъ: «Отчего я былъ рабомъ? Я понялъ тогда, что у человѣка есть только одно—его воля, и чтобы имѣть право жить, надо закалить ее настолько, чтобы она была всегда выше всякой чужой воли». Но и это проходить предъ нами не въ дѣйствиіи, а въ пересказѣ, и пересказъ этотъ опять таки не что иное, какъ отголосокъ ницшеанской философіи. Изъ дѣйствиія, изъ поступковъ, изъ отношеній среды къ Роговичу и Роговича къ средѣ мы знаемъ только, что ему фанатически поклоняется Долгушевъ, любитъ его мальчикъ Гришка, хотя неизвѣстно за что ему поклоняются и за что его любить. Наконецъ, мы видимъ, что Роговичъ готовъ жениться на Валентинѣ, потому что онъ придетъ къ ней, если ему понадобится «чужая совѣсть». Въ то же время Долгушевъ съ пикника увозитъ Нелли, по приказанію Роговича, который за это получаетъ пулю изъ револьвера Нелли. И мысль, повидимому, автора та, что подобно тому, какъ «та женщина», которую онъ «опередилъ», была началомъ его душевнаго кризиса и крещенія въ ницшеанской вѣрѣ, такъ точно эта женщина, Нелли, которая его «опередила», вызвала въ немъ новый кризисъ—стремленіе быть ниже чужой воли, подпасть подъ власть, стать наковальней, и найти здѣсь то блаженство, котораго онъ раньше искалъ, стараясь быть молодомъ.

И вотъ, когда вы уже окончательно приходите къ заключенію, что предъ вами—неудавшійся «сверхъ человѣкъ»,—Тимовой Долгушевъ, «профессиональный алкоголикъ», горячей тирадой, произнесенной предъ Роговичемъ, снова мѣняетъ его намѣренія. Нелли сказала: «дайте мнѣ провѣрить себя», и оставляетъ его счастливымъ, въ ожиданіи результатовъ провѣрки. И вдругъ, Роговичъ выпиваетъ морфій, какъ тотъ Оедька, повѣсившійся на грязной юбкѣ падшей женщины, про которую разсказывалъ Долгушевъ. Но Оедька справилъ тризну по своему цѣломудрію. Это еще можно понять. А Роговичъ?

Я прежде всего не понимаю, что хотѣлъ доказать авторъ. Говорю «доказать», потому что вижу въ пьесѣ прежде всего книжный замыселъ, а потомъ уже наблюденную жизнь. Г. Трахтенбергъ именно стремится что-то доказать, но что? Онъ такъ щедро надѣлилъ Роговича блескомъ и окружилъ его такими мелкими и ничтожными людьми, что, очевидно, немножко самъ любитъ на Роговича. Но такъ какъ поступковъ Роговича и даже отношеній его къ людямъ мы видимъ мало, то остается придти къ заключенію, что г. Трахтенбергъ—большой поклонникъ ницшеанства. Но тогда зачѣмъ его герой такой несовершенный, и теорію

власти проводить только до встрѣчи съ оригинальною и интересною женщиною? Плохая рекомендація стойкости философской доктрины...

Авторъ и режиссеръ.

Впрочемъ, даже съ этой точки зрѣнія, г. Трахтенбергъ обнаружилъ недостатокъ смѣлости. Подобно Роговичу, его хватило только на вызовъ, а не на выполнение. Сцена Нелли, «стремящейся себя проверить» и Роговича — сбивается на старыя и «ветхія» преданія морали. Воля и инстинктъ — таковы кумиры ницшеанства. Кислосладкая сцена съ «обдумываніемъ» и «проверкой», съ паденіемъ Роговича въ ноги и пр. доказываетъ только, что ни Роговичъ, ни Нелли не созрѣли до тѣхъ чувствъ, которыя Ницше считалъ «сверхъ-человѣческими», и что надъ ними попрежнему властвуютъ мораль, традиція, рутиня, представление о добрѣ и злѣ... Языческая ночь не зажглась надъ ними. И здѣсь, даже послѣ пули, одно теоретизированіе, тогда какъ непремѣнно слѣдовало бы зажечь эти огни Ивановой ночи, и затѣмъ повторить исторію Оедыки. Я не знаю, что остановило автора, но онъ застрѣлъ на полѣ-дорогѣ.

Какъ и въ «Потемкахъ души», въ новой пьесѣ г. Трахтенберга больше философской схемы, нежели живой жизни. «Комета» — тоньше по мыслямъ, и потому еще менѣе доступна въ своемъ сокровенномъ основаніи публикѣ. «Комета» — и красивѣе «Потемокъ»; въ ней больше изысканности, остроумія, изящества. Но подобно «Потемкамъ», «Комета» страдаетъ недостаткомъ объективности, случайностью фона и загадочностью самаго психологическаго феномена, разыгрывающагося на нашихъ глазахъ.

Г. Трахтенбергъ — несомнѣнно, даровитый человекъ, притомъ думающій и образованный, притомъ «неупокоенный» и больше всего презирающій обыденное. Отсюда интересъ, который вызываютъ его пьесы въ публикѣ. Даже плохо понимая, въ чемъ дѣло, видишь смятенную душу автора, который страстно чего-то ищетъ, и такъ сказать, «кипитъ» въ собственномъ соку. Всѣ лица разговариваютъ у г. Трахтенберга зло, ѣдко и непремѣнно съ ужимкой и подходомъ, совершенно такъ, какъ разсуждаетъ самъ авторъ. Когда они говорятъ, то не просто, а обиняками, намеками, какъ люди, для которыхъ обыденная рѣчь утратила весь свой интересъ и всю свою привлекательность. И потому это не кажется ни страннымъ, ни фальшивымъ. Оно выливается у автора, а не сочинено имъ. Идеи и фразы Достоевскаго, смущающіе автора, сообщили ему и этотъ колоритъ, и эту необузданную страстность тона...

И какъ, по ученію Ницше, воля и инстинктъ все искупаютъ, такъ и г. Трахтенбергу отпускаешь всѣ грѣхи за его страстность...

Въ послѣдней картинѣ Нелли даетъ 1000 р. Долгушеву на ландыши, чтобы украсить гробъ и могилу Роговича. И при этомъ прибавляетъ: «только, чтобы не было театрально, а такъ, просто». И желаніе необыкновенное — на тысячу и даже двѣ («можетъ быть, мало?») купить ландышей, и еще болѣе странная наивность — «чтобы не было театрально». Г. Трахтенбергъ мнѣ чрезвычайно напоминаетъ эту Нелли, и ея тароватость относительно ландышей. Нелли такова, со своей англичанкой-камеристкой, своєю гимнастикою, своимъ револьверомъ, и всей своей жизнью, которую можно было бы назвать презрѣнною, еслибы она не была такъ «красива», по декадентскому выраженію, — что, давая двѣ тысячи руб. на ландыши, она именно не кажется театральною. Когда человекъ такъ «перевернутъ», какъ «перевернута» Нелли, быть можетъ, дѣйствительно, истинная скромность — это «ландыши» на 2,000 руб., а форменная театральность — ну, примѣръ, любовь къ сыну, который живетъ въ Лозаннѣ. И точно также — г. Трахтенбергъ. Все въ его произведеніяхъ такое необыденное по замыслу и исполненію, что не считаешь театральностью самыя рискованныя разговоры и поступки его героевъ, по просто думаешь: что-жъ, можетъ, быть такъ и нужно, коли Богъ его такимъ создалъ — пламеннымъ, неистовымъ и страннымъ.

Конецъ моихъ замѣтокъ противорѣчить, быть можетъ, началу. Потому что въ началѣ я говорилъ, что путь художника есть наблюденіе жизни, а не свободное созданіе фантазмогорій. Но я говорю лишь о томъ, что предпочтительнѣе. Важно лишь то, чтобы авторъ не ломался, а былъ искреннимъ. Ломанья же у г. Трахтенберга нѣтъ. Онъ просто, сказалъ бы я, — въ своей затѣйливости, которая вытекаетъ изъ его натуры. У каждаго человека есть своя «pesta», какъ говоритъ Нелли. И я не хочу лишать этой «pesta» г. Трахтенберга, хотя нахожу ее въ высшей степени опасной. Но пусть идетъ по своей «pesta», и совершенствуется...

А. К—ель.

Письма изъ Кіева.

XII.

М. И. Велизарій поставилъ въ бенедиктъ «Въ своей роли». Пьеса А. Плещеева въ Кіевѣ не имѣла петербургскаго успѣха. Слишкомъ она — мѣстный петербургскій продуктъ. Ея героиня не только не попадаетъ въ свою роль, но на протяжении всѣхъ четырехъ актовъ пьесы находится въ разладѣ съ окружающей ее средой. Въ сущности это — очень милая, добросердечная и здравомыслящая женщина, и авторскій произволъ заставляетъ ее совершить нѣсколько слабо обоснованныхъ дурачествъ. Задачей автора была отрицательная характеристика той общественной среды, въ которой женщина, будь она сама — Минерва, фатально обречена на мотыльковое существованіе, но вѣдь бароны Никели, Пустоцкіны, Шницы и т. п., просто легкая цѣтень, неизбежно заводятся въ плохо вентилируемыхъ помѣщеніяхъ. Вовсе не эти жалкіе прихвостни даютъ тонъ жизни, въ которой женщины обращаются въ мотыльковъ, искусство — въ порнографію, общественное вліяніе въ приливо-расходный балансъ. Но tout Pétersbourg не любитъ суровой морали, — «ахъ, это такъ скучно!» И галантный авторъ мило скользитъ по поверхности, набра-

сывая, рядъ забавныхъ *scroquis*, въ которыхъ ресторано-пестербургская злободневность трогательно переплетается съ анекдотомъ театральной провинции. Г-жа Велизарій сыграла, какъ и слѣдовало ожидать, Настасью Николаевну очень милой, благовопитанной дѣвицей, совершенно по недоразумѣнію поившей въ столь сомнительную компанію. Всѣ усилія актрисы взмахнуть крылышками по-настоящему, какъ сіе настоящему мотыльку полагается, разбивались объ излишнюю идеализацію ея личности. Пьеса шла вяло, въ зрительномъ залѣ чувствовался обманутый ожиданій. Изъ исполнителей мнѣ очень понравился г. Милорадовичъ въ роли режиссера Ухи. Онъ отлично передавалъ благопріобрѣтенную сорокалѣтней службой искусству нервную издерганность сценическаго дѣятеля.

Совсѣмъ неудачно оказалась пьеса г-жи Звѣздичъ-Тэзи—«Передъ вѣчной загадкой». Никакой загадки ни вѣчной, ни кратковременной—въ пьесѣ нѣтъ. Самая банальная исторія двухъ разбитыхъ сердецъ съ чисто дамской безцеремонностью растянута на четыре акта. Пьеса полна книжныхъ разсужденій, претенціозныхъ метафоръ, въ которыхъ любовь упиливается «воздушному зданію, построенному на пескѣ», и т. под. Въ какой степени авторъ знакомъ съ дѣйствительной жизнью, видно хотя бы изъ разсказываемаго имъ, устами одного изъ персонажей, эпизода о мужикѣ-конокрадѣ, которому грозила тюрьма; мужикъ повисилъ изъ боязни опозорить за *famille*, оставивъ записку съ однимъ только словомъ: «стыдно!» Помилуй Богъ, какъ правдоподобно и трогательно! Если ко всему сказанному прибавить, что главную роль играетъ М. М. Глѣбова, сохранившая любовь къ мелодраматическимъ формамъ перелачи чувствъ, то станеть совершенно ясно, что на сценѣ получился сумбуръ. Передъ вами открывалось какое-то безграничное море страданій; страдали всѣ безъ исключенія отъ перваго до послѣдняго акта. Трудно было что нибудь понять въ этой сугубо-чувствительной негорнѣ, въ которой, какъ въ извѣстной сказкѣ: «дѣдка за рѣчку, бабка за дѣдку тянутъ, потянуть, вытянуть не могутъ». Досадно было смотреть на г. Шувалова, который умно и изинию сыгралъ роль художника Губскаго—яблоко раздора между героинями пьесы. На афишѣ почему-то прибавлялось, что пьеса «одобрена литературнымъ комитетомъ къ представленію на Императорской сценѣ», что-жъ — мудрость и безпристрастіе сужденій сего почтеннаго трибунала слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы стоило этому удивляться.

Дирекція Кіевскаго театра отнеслась къ произведенію m-lle Тэзи съ нѣкоторымъ лукавствомъ: она неизмѣнно ставила его на одной афишѣ съ «Женской чепухой». Многіе даже усмотрѣли въ этомъ символъ.

Въ «Женской чепухѣ» я въ первый разъ видѣлъ новую актрису г-жу Мухаринскую. Сценическія данныя г-жи Мухаринской очень неблагодарны: лицо невыразительное, голосокъ короче воробьиного носа, говоритъ сквозъ зубы: «деньги», вмѣсто деньги, «хочѣть», вмѣсто хотѣть, и т. д. Дамы не первой молодости, и надеждъ на исправленіе мало. Живая и забавная вещица Щеглова была сыграна ею и г. Степановымъ 2 тяжело и вульгарно.

Несравненно содержательнѣе пьеса И. Н. Потапенко—«Лишній правъ», хотя тоже не имѣвшая успѣха у кіевской публики, несмотря на великолѣпное исполненіе роли Кирилла Домбровича—г. Шуваловымъ. Г. Потапенко, какъ драматургъ, представляетъ въ наше драматическое безвременье очень поучительное явленіе. Онъ пишетъ мало, но въ каждой новой пьесѣ очень интересно и содержательно разрабатываетъ темы личной и общественной этики и психологій въ формахъ повседневнаго быта, безъ всякихъ экскурсій въ область любовныхъ экстазовъ или психопатологій. Пьесы его длинны. Ихъ нужно не только смотрѣть, но и слушать. Задача для русской театральной публики непосильная. Она, спокойно позѣвывая, пропускаетъ мимо ушей самыя увлекательныя, полныя одушевленія рѣчи Домбровича—Шувалова, и сочувственно оживаетъ при видѣ городского головы, разговаривающаго въ телефонѣ, развлекаясь этимъ моментомъ вѣшняго дѣйствія отъ скуки, навѣянной умными рѣчами. Увы, долго еще намъ съ вами ждать придется театральной публики, для которой сценическое впечатлѣніе перестанетъ быть только зрительнымъ, а претворится въ художественную эмоцію! А теперь на этомъ именно свойствѣ всякой театральной толпы только и строятъ свое благополучіе. Не даромъ и Соловцовъ собирается поправлять свои дѣла «Новымъ міромъ», ставя его съ превеликою костюмно-декоративно-буффорскою помпой. Возвращаясь къ «Лишнему праву», слѣдуетъ сказать, что и въ немъ г. Потапенко не измѣнилъ своей обычной манеры. Пьеса «разговорная», выражаясь актерскимъ жаргономъ. Авторъ производитъ любопытный экспериментъ: онъ вводитъ въ примитивно-этическую среду средней городской буржуазіи человѣка съ совершенно опредѣленнымъ нравственнымъ идеаломъ. Человѣкъ этотъ, — «лишній правъ» — инженеръ Домбровичъ. На сколько удачно г. Потапенко развиваетъ въ своей пьесѣ возникшія отъ этого столкновения комбинаціи, я здѣсь касаться не стану. Для меня цѣнна уже сама попытка освѣтить со сцены ту сто-

рону нашей общественности, благодаря которой, одна изъ обширныхъ, наиболѣе обезпеченныхъ и формально-просвѣщенныхъ общественныхъ группъ оказывается лишенной всякаго руководящаго идеала, беспомощно застывши въ сферѣ мелкаго личнаго эгоизма. Нельзя же считать за этический идеалъ инстинктъ стяжанія, унаслѣдованный ею отъ ряда предпріимчивыхъ предковъ.

Роль Домбровича г. Шуваловъ ведетъ съ большимъ искусствомъ. Полное отсутствіе аффектаціи; мягко, задумчиво, тономъ полного убѣжденія произноситъ онъ свои монологи, подкупая столько же искренностью интонаціи, сколько самымъ звукомъ своего красиваго и гибкаго голоса. Его массивная фигура, копна рыжихъ съ просѣдью волосъ на головѣ, окладистая борода, слегка угловатые движенія человѣка, непривычнаго еще къ новой и сѣбительной для него обстановкѣ, какъ нельзя лучше гармонировали съ положеніемъ въ пьесѣ изображаемаго имъ героя. Широкій свободный жестъ, утратившій былую рѣзкость, признакъ умиротворенія этой кипучей натуры; такова въ нѣсколькихъ словахъ характеристика Домбровича въ изображеніи г. Шувалова. Самая героическая роль въ жизни—это быть скромнымъ и порядочнымъ человѣкомъ; Домбровичъ—Шуваловъ былъ именно такимъ человѣкомъ, невольно заставляя повѣрить въ стихійную мощь своего характера.

Этого никакъ не можетъ понять г. Трахтенбергъ, новую пьесу котораго—«Комету», г-жа Паскалова поставила въ свой бенефисъ. Г. Трахтенбергъ очень зло и остроумно изображаетъ разложеніе современной дворянской семьи, но эта положительная сторона пьесы, поиндигому, его мало интересуетъ. Его интересъ сосредоточенъ на романѣ гуляющей дѣвицы Ракитиной и какого-то путейскаго Манфреда-Роговича. У г. Трахтенберга вообще странная манера: онъ недоволенъ изображеніемъ обыкновенныхъ лицъ и положеній, а набрасываетъ ихъ въ ракурсахъ, измѣняющихъ иногда нормальныя очертанія предметовъ до невозможности отыскать правильную точку зрѣнія.

Поставлена «Комета» съ большимъ вкусомъ и разыгрывается довольно дружно. Напрасно только г-жа Паскалова придаетъ изображенію Анны Сергѣевны ненужную томность... Дѣвица, упражняющаяся по утрамъ, гимнастикой и скачущаяя верхомъ, какъ цирковой вальткеръ, не можетъ походить на восточную одамску.

Н. Николаевъ.

СПИСОКЪ

драматическихъ сочиненій, безусловно дозволенныхъ къ представленію по 1-е декабря 1901 года.

(№ 265 «Прав. Вѣст.»).

- 27) «Приличія». Комедія-шутка въ одномъ дѣйствіи В. В. Билибина.
- 28) «Пріемный день». Оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи В. В. Билибина.
- 29) «Роковая скамейка». Шутка въ одномъ дѣйствіи В. В. Билибина.
- 30) «Самоубійца». Шутка въ одномъ дѣйствіи В. В. Билибина.
- 31) «Севастополь» (Мать-сыра земля). Историческая хроника въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ Петра Оленникова.
- 32) «Сервилья». Опера въ пяти дѣйствіяхъ (заимствованаго изъ драмы Л. А. Мейя). Музыка К. Я. Римскаго-Корсакова. Либретто.
- 33) «Страшная месть». Драматическая феерія въ пяти дѣйствіяхъ и 10 картинахъ. Передъ изъ повѣсти Н. В. Гоголя. Н. Фонъ-Дингельштедтъ.
- 34) «Танцующій кавалеръ». Шутка въ одномъ дѣйствіи В. В. Билибина.
- 35) «Треволненія». Шутка въ одномъ дѣйствіи В. В. Билибина.
- 36) «Убійцы». Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ съ французскаго А. С. Пблонскаго.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НОВОЧЕРКАССКЪ. Спектакли въ нашемъ театрѣ, несмотря на «мертвый» сезонъ, продолжаютъ давать довольно хорошіе сборы и въ большинствѣ случаевъ проходятъ съ успѣхомъ. Слабѣе другихъ и притомъ въ весьма значительной степени исполняются на нашей сценѣ классическія произведенія западно-европейской литературы, — каковы: «Марія Стюартъ» (21 ноября), «Эгмонтъ» (23 ноября), «Фаустъ» (27 ноября), «Тартюфъ» (30 октября и 28 ноября), «Эдипъ-царь» (30 окт.) и др.

Это обстоятельство я могу объяснить какъ неумѣиємъ нашихъ премьеровъ, а въ особенности второстепенныхъ артистовъ и артистокъ, носить соотвѣтствующій костюмъ и говорить со сцены стихами, такъ и крупными дефектами по режиссерской части.

Въ пьесахъ «Эдипъ-царя» и «Фаустъ» чуть-ли не слабѣе всѣхъ оказался самъ режиссеръ труппы г. Вадимовъ. Столѣтній старецъ Тирезій, въ исполненіи его, крикомъ своимъ положительно оглушалъ публику и стучалъ о полъ своимъ посохомъ съ такимъ азартомъ, что въ концѣ концовъ носохъ сломался, и старцу пришлось уходить въ свои горы съ обломкомъ въ рукѣ. «Валентина» же въ «Фаустѣ», Гете, тотъ-же г. Вадимовъ постарался изобразить совершенно такъ, какъ привыкъ изображать его въ опереткѣ «Фаустъ на изнанку!» Другіе исполнители царя «Эдипа» были не много лучше, не исключая и бенефицианта (г. Петрова-Краевскаго), въ заглавной роли; что же касается «Фауста», то изъ всѣхъ исполнителей былъ-бы весьма недурнымъ Мефистофель одинъ лишь бенефициантъ г. Грессеръ, если бы не его покушенія съ весьма невыгодными средствами на исполненіе пѣсницъ и серенадъ, подлѣ аккомпаниментъ оркестра. Зато современныя комедіи и драмы, а также бытовыя пьесы проходятъ у насъ, за малымъ исключеніемъ, очень хорошо. Хорошо была поставлена и исполнена «Шахта Георгій», въ которой, между прочимъ, и г. Андреевъ-Ростовцевъ игралъ безъ пересола и шаржа; отлично была поставлена, но слабо исполнена «Власть тьмы», въ которой одинъ только г. Каширинъ вполне былъ хорошъ въ роли Никиты и отчасти лишь г-жа Казанская (Матрена) и Иконниковъ (Петръ).

«Три сестры» Чехова, по признанію харьковцевъ, обставляются и исполняются у насъ лучше, чѣмъ въ Харьковѣ, за исключеніемъ лишь роли доктора Чебутыкина, которую въ Харьковѣ отлично исполняетъ г. Глюскъ-Добровольскій.

Большимъ успѣхомъ пользуется у насъ теперь г-жа Юрєва, принятая вначалѣ холодно; и дѣйствительно, артистка эта въ роляхъ свѣтскихъ героинь и кокетокъ очень хороша.

Весьма хороша въ симпатичныхъ роляхъ обиженныхъ «плачущихъ» индѣиесъ г-жа Вейманъ; но жалъ, что этой-же артисткѣ приходится исполнять не только бытовыя роли, въ которыхъ она не на своемъ мѣстѣ, но и почему-то роли наивныхъ молоденькихъ дѣвушекъ, для которыхъ оказывается неподходящей ея видная, статная фигура.

Странное впечатлѣніе производитъ своей игрой г-жа Орликъ: въ большинствѣ случаевъ такъ и кажется, что играть ей просто такъ не хочется и она лишь отбываетъ надобную ей повинность; зато, когда такая манера игры оказывается умѣстной, подходящей къ данной роли, кажется, что видишь передъ собою серьезную, обдумавшую всѣ детали своей роли артистку съ несомнѣннымъ дарованіемъ. Подававшая въ прошлыхъ сезонахъ надежды на усовершенствованіе г-жа Англичанова, благодаря изумительному однообразію интонацій и какому-то вѣчному «испугу» на сценѣ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оказывается на мѣстѣ. Хороша бываетъ въ бытовыхъ роляхъ комическая старуха г-жа Казанская, но г-жа Разсказова намъ больше нравилась, особенно въ салонныхъ пьесахъ; г-жа Невѣрова уже 6-й или 7-й сезонъ сряду пользуется у насъ обычнымъ успѣхомъ. Въ мужскомъ персоналѣ на первомъ мѣстѣ, не по амблуду, а по выдающемуся дарованію, стоитъ г. Каширинъ. Но, къ великому нашему сожалѣнію и по совершенно непонятнымъ для насъ причинамъ, ни антрепренеръ, ни режиссеръ не пользуются, какъ бы слѣдовало, присутствіемъ г. Каширина въ труппѣ: мало ставятъ пьесъ съ его участіемъ въ главныхъ роляхъ и часто поручаютъ ему совсѣмъ эпизодическія ролики. Право, обидно бываетъ видѣть артиста съ столь крупнымъ талантомъ и въ такихъ роляхъ какъ Оранскій (Эгмонтъ), Колины (Вароэлъ. ночь), Петръ (Полъ колесомъ) и т. п.

Крупный и вполне заслуженный успѣхъ имѣетъ у насъ въ настоящее время г. Грессеръ, встрѣченный публикой вначалѣ чрезвычайно холодно. Артистъ этотъ въ сравнительно короткое время добился завиднаго успѣха, благодаря серьезному отношенію къ поручаемымъ ему, по большей части весьма несимпатичнымъ ролямъ «злѣдѣевъ». Нашъ Гамлетъ, Чацкій, Эгмонтъ, царь Эдипъ, Маркъ Великолѣпный, Уриэль Акоста и проч.—г. Петровъ-Краевскій. На мой взглядъ, артистъ этотъ мало еще пожилъ, мало испыталъ, выстрадалъ, перечеиталъ и передумалъ для того, чтобы съ *необходимымъ* успѣхомъ исполнять эти «гастрольныя» роли. Длинныя же его исполнѣнія: звучный пріятный

голосъ, статная фигура, высокій ростъ и подвижныя черты лица. За то въ роляхъ «житчѣскихъ», негероическихъ, игра г. Петрова-Краевскаго лично мнѣ часто доставляетъ большое удовольствіе, и я думаю, что со временемъ артистъ этотъ будетъ, пожалуй, и хорошимъ трагикомъ, если конечно, не перестанетъ изучать, въ полномъ смыслѣ этого слова, не одиѣ только отдѣльныя роли, но и въ полномъ классическія произведенія.

Въ роляхъ молодыхъ героевъ, любовниковъ и неврастениковъ, въ настоящее время съ успѣхомъ подвигается у насъ г. Васильевъ, артистъ еще очень молодой, но уже успѣвшимъ снискать симпатіи публики, благодаря своему тонкому темпераменту и толковому изученію поручаемыхъ ему ролей. Повидимому, этому артисту со временемъ предстоитъ занять видное мѣсто среди дѣятелей русской сцены. Изъ остальныхъ новыхъ для новочеркасской публики артистовъ, мнѣ остается упомянуть еще о г. Орскомъ, какъ объ очень приличномъ исполнителѣ второстепенныхъ ролей. Ветераны нашей сцены, гг. Михайловъ и Петровъ, какъ-бы на своемъ амблуду, по прежнему состоятъ въ любимцахъ публики, которыхъ или, точнѣе, о которыхъ даже не судятъ.

Милоновъ.

ХАРЬКОВЪ. Материальный успѣхъ оперы въ настоящеемъ сезонѣ приличенъ. Новыя оперы—«Хованщина», «Ворнѣ Годуновъ», и теперь поставленный «Купецъ Калашниковъ» сборовъ не сдѣлали при первой постановкѣ, а при повторныхъ—дѣлали меньше обычныхъ воскресныхъ,—ихъ давали неся чаще по воскресеньямъ и праздникамъ. Успѣхъ дѣйствительный, а не выдуманный, имѣла «Лакмэ», и исключительно благодаря г-жѣ Виль-дербъ-Брантъ, исполнителницѣ главной партіи. Эта молодая пѣвица, обладающая такимъ чуднымъ голосомъ, природной колоратурой и счастливейшей наружностью, по моему мнѣнію, дѣлала (съ художественной стороны) совершенно излишними гастроль г-жѣ Мравинѣ и Фостремъ. Нельзя сказать, чтобы объ гастролерши не дѣлали сборовъ, въ особенности г-жа Мравина, прѣлѣвавшая раньше г-жи Фостремъ,—но ихъ успѣхъ, полъ которымъ и разумно сумму доставленнаго публикѣ наслажденія и вѣнчаніе выраженіе похвалы послѣдней,—врядъ ли равнялся тому, какой имѣетъ г-жа Виль-дербъ-Брантъ. Г-жа Мравина ставила здѣсь «Сеніскаго пирульника», «Травиату», «Ромео и Юлію», «Риголетто» и «Сигурдунку». Дѣйствительно художественно поетъ и играетъ артистка заглавную партію въ послѣдней и отчасти въ «Ромео и Юлію». Г-жа Фостремъ пѣла въ «Лакмэ», «Травиатѣ», «Фаустѣ» и «Ромео и Юлію». Нельзя не преклониться передъ художественной законченностью этой выдающейся артистки, но время неумолимо... Въ «Хованщинѣ», «Ворнѣ Годуновѣ» и «Купцѣ Калашниковѣ» имѣетъ большой и заслуженный успѣхъ г-жа Черненко (Марѳа, Марина и Елена). Жалъ, что артистка эта, обладающая высокимъ и сильнымъ меццо-сопрано и безусловно драматическимъ талантомъ, появляется только въ этихъ операхъ,—въ нихъ мало простора для проявленія всѣхъ ея данныхъ. Мнѣ пришлось слушать эту артистку въ Москвѣ. Какая теперь немовѣрная разница! Видно, что г-жа Черненко много и серьезно поработала надъ собой.—Въ составѣ труппы вступили г. Орловъ, хорошій пѣвецъ и актеръ, а выбылъ г. Корниловъ, теперь—огромный голосъ, по слабій пѣвецъ, съ подобіемъ словъ вмѣсто фразировки. На мѣсто этого героическаго тенора приглашенъ, кажется, г. Виренсъ-Дарскій, спѣвший два раза «Пиковую даму» и «Карменъ», но безъ особаго успѣха. У этого пѣвца есть то, чего нѣтъ у г. Корнилова, но не достаетъ ему за то того, что у послѣдняго въ прѣизбыткѣ... Съ большимъ успѣхомъ пропѣлъ въ «Пиковой дамѣ» Германа г. Севастьяновъ, блеснувший здѣсь какъ метеоръ,—по пути изъ Ростова въ Москву. Съ хоронимъ успѣхомъ поютъ въ оперѣ гг. Мутинъ, Томарсъ, Долнинъ и Зоначичъ, пользуются успѣхомъ и г. Измайловъ. Повезло нашей оперѣ на меццо-сопрано: г-жи Макарова и Добжанская—хорошіе голоса. Обѣ имѣютъ большой успѣхъ. Очень милый голосъ у г-жи Гашинской, дочери когда то извѣстнаго опереточнаго пѣвца и антрепренера Коврова; эта молодая пѣвица съ успѣхомъ выступаетъ пока въ небольшихъ партіяхъ. Недостаетъ въ труппѣ хорошей драматической пѣвицы и лирической,—можно сказать, что партіи эти вакантны. Нѣсколько спектаклей спѣла г-жа Милотина, трянувшая, что называется, Лариной—и съ отличнымъ при томъ успѣхомъ спѣвавшая Антониду и Людмилу; выступила два раза г-жа Кузнецова (Леонора и Наташа), а г-жа Кондрова въ «Пиковой дамѣ» спѣла Лизу. Съ субботы, 15-го декабря, наша опера уѣхала на гастроль въ Полтаву, а сюда прѣехала труппа Кастеляно. Объяснить успѣхъ нашей оперы можно—удешевленіемъ мѣстъ и общимъ нарощеніемъ театральнй публики, — а также, конечно, наличностью хорошихъ силъ.

Въ драматическомъ театрѣ дѣла, повидимому, лучше прошлогоднихъ. «Гвоздь» пока не найдено. До сихъ поръ болѣе или менѣе часто давались пьесы: «Три сестры» (5 разъ), «Педагогъ» (6 р.), «Пережитое» (4 р.), «Огни Иванаовой ночи» (3 р.), «Лишенный правъ» (3 р.), «Ирининская община» (3 р.), повторялись: «Буреломъ», «Жизнь жизни», «Потопунный колоколъ», «Комета», «Ивановъ» и друг. Послѣдніе бенефисы были: г. Карамазова—«Гамлетъ», г. Глюскъ-Добровольскаго—

«Вѣчная любовь» и «Клинь клиномъ вышибай», г. Дара-Владимірова—«За чужой грѣхъ» и «Супружеское счастье», г. Павленкова—«Михаилъ Крамеръ», г. Борисова—«Современная барышня» и «Гейша». Хорошіе сборы, почти полные, сдѣлали гг. Глюскъ и Борисовъ. Всѣхъ бенефициантовъ отлично «принимали», особенно же двухъ послѣднихъ. Бенефисныя пьесы, исключаю, конечно, «Гамлета», мало удовлетворяли публику, даже напротивъ... Повторены до сихъ поръ только, «Ивановъ» и «Ирининская община», шедшія въ бенефисъ г. Ленковского и г-жи Стрессовой-Сокольской. Большой матеріальный успѣхъ имѣютъ въ этомъ году «общедоступные» спектакли, даваемые по субботамъ вмѣсто понедѣльниковъ. Харьковъ пужень, очевидно, театръ съ болѣе доступными цѣнами. Глядя на драму, и опера завела спектакли по «половиннымъ цѣнамъ», но, къ сожалѣнію, даетъ ужъ слишкомъ упрощенный составъ. За послѣдніе дни драма наша поставила нѣсколько почтенныхъ «старинокъ», (говорятъ же «новинки»). Такъ, «пыль въ ковшъ отъ гартіи отряхнувъ», увидѣли свѣтъ рампы: «Каширская старина», «Въ старые годы» и даже «Ошибки молодости»... Послѣднія пьесы въ наше время врядъ ли можетъ интересовать: кого *теперь* могутъ тронуть прежнія ошибки? Не позвело въ этомъ году дирекціи на «Даря Федора»; поставили пьесу эту въ воскресенье, а сборъ былъ ниже ординара. Въ общемъ прошла пьеса гладко, но не было прежняго одушевленія, подъема... И наша драма ѣздила въ Полтаву на три спектакля; успѣхъ ихъ, какъ видно, побуждаетъ г-жу Дюкову не оставлять Полтаву и въ будущемъ, такъ что гастроли эти будутъ повторяться.

На Пасху въ оперномъ театрѣ будетъ подвизаться итальянская опера Кастеллино въ теченіе двухъ недѣль.

Г. Тавридовъ.

КАЗАНЬ. Казанскій зимній русскій оперный сезонъ закончился 3 декабря. Скажу нѣсколько словъ о гастролерахъ—итальянцахъ—гг. Монте-Кукки и Сальто. Первый изъ нихъ имѣлъ главныя теноровыя партіи въ операхъ: «Риголетто», «Карменъ», «Фаустъ», «Африканка», «Паяцы», «Севильскій цирюльникъ». Особого успѣха онъ не имѣлъ.—Онъ обладалъ небольшимъ голосомъ, даже голосомъ; но играетъ живо и весело. Кромѣ перечисленныхъ оперъ, онъ рискнулъ исполнить партію Ленскаго, въ «Евгеніи Онѣгинъ», и пѣлъ ее *по русски*... Но что это было за пѣніе и за игра! Затѣмъ явился Сальто, уже знакомый Казани по гастролямъ въ сезонѣ 1896—97 г. Уже тогда г. Сальто своимъ могучимъ голосомъ—высокій драматическій теноръ—и прекрасной игрой завоевалъ горячія симпатіи публики. Г. Сальто сохранилъ и свой большой, красиваго тембра голосъ и драматизмъ игры. Выступалъ онъ въ Казани въ «Аидѣ» и затѣмъ пѣлъ въ операхъ: «Отелло», два раза; «Гугеноты», два раза; «Карменъ», «Паяцы», «Африканка», «Балъ маскарадъ» и «Фаустъ».

Кстати, мимоходомъ, замѣчу, что во время его гастролей, съ нимъ имѣвшихъ въ «Гугенотахъ» выступила и известная артистка-пѣвица А. П. Ухтомская-Баронелли.—Эта артистка поселилась съ лѣта въ Казани и открыла курсы пѣнія. Извѣдка она выступаетъ и на оперной сценѣ и положительно удивляетъ публику прекраснымъ сохранившимся голосомъ.

За послѣдній мѣсяцъ своей дѣятельности, наша оперная труппа поставила двѣ новіи—оперы, не шедшіе еще въ Казани. Это: «Купецъ Калашниковъ» А. Г. Рубинштейна и «Чародѣйка», П. И. Чайковского. «Купецъ Калашниковъ» былъ поставленъ впервые—6 ноября и затѣмъ шелъ: 8, 13, 21 и 25 ноября и 3 декабря. «Чародѣйка» была дана впервые 1 декабря и повторена въ бенефисъ артистки О. Н. Асгановой на другой же день—2 декабря. Постановка обоихъ оперъ была очень хороша. Декорации прямо превосходны, въ «Калашниковѣ» особенно «Площадь въ замоскворѣчьи», а въ «Чародѣйкѣ»—«видъ Нижняго», въ 1-мъ актѣ, и «лѣсъ на берегу Оки».

Во время бенефисовъ В. И. Сукъ и Н. Н. Боголюбова («Купецъ Калашниковъ») оба были предметами горячихъ оваций. Ихъ прѣвѣтствовало «Общество любителей изящныхъ искусствъ». Адресъ Общества г. Боголюбову гласилъ, между прочимъ:

Благодаря Вашей энергіи, Вамъ, съ самаго начала, удалось поставить дѣло на надлежащую высоту. Уже изъ перваго Вашего анонса о составѣ оперы, ея репертуарѣ и проч., стало ясно, что оперное дѣло будетъ вестись на новыхъ, симпатичныхъ началахъ: Вы обратились къ публикѣ—призывая ее помочь художественному дѣлу театра, высказывая свои мнѣнія въ особыхъ заявленіяхъ. На память отъ Общества г. Боголюбову поднесли книгу жизни «вѣстителя нашихъ думъ»—П. И. Чайковского.

Драматическіе спектакли открылись 4 декабря пьесой: «Безправная», но о драмѣ—въ слѣдующей корреспонденціи.

Н. Ѳ. Юшкова.

ВОРОНЕЖЪ. Въ понедѣльникъ 10-го декабря въ залѣ дворянскаго собранія данъ былъ блестящій концертъ г. Шаляпинымъ. Публика восторженно принимала артиста. Съ успѣхомъ исполнили свои номера пріятнаго тембра теноръ г. Каренинъ и г-жа Прокопівна (скрипка). Залъ былъ перепол-

ненъ и для массы желающихъ быть въ концертѣ не хватило билетовъ. Сборъ свыше 2,000 р.

Нѣкоторые изъ идущихъ ежедневнѣе въ зимнемъ театрѣ бенефисовъ отличаются завышенными рекламными. 30 ноября, въ бенефисъ г. Звѣздича, были даны двѣ пьесы: 1) «Бѣлый конь»—ком. въ 4 д. О. Блюменталя и Г. Кальдбурга, пер. Саблной, и 2) «Смерть Наполеона 1-го на островѣ Св. Елены». На афишѣ значилось: «спеціально для пьесы «Бѣлый конь», по оригинальнымъ макетамъ режиссера А. М. Звѣздича, нарисованы новыя декорации: гостиница съ балкономъ, набережная, волнующееся озеро, видъ съ горъ со спѣющими вершинами, пароходъ, идущій на полныхъ паркахъ и подымающій до 70 человѣкъ, движущіеся облака, громъ, грозныя тучи, молнія и дождь проливной во всю сцену изъ настоящей воды». 11-го декабря, въ бенефисъ г-жи Струсъ была поставлена пьеса «Святославъ». Афиша гласила (илл., лучше сказать, голосила): «громоздкий интересъ сюжета, въ которомъ выведены известные общественные дѣятели и артисты, состоитъ въ удивительно правдивомъ изображеніи характеровъ и дѣяній высочайшихъ лицъ, заслужившихъ громкую, но печальную славу на всю Россію».

Впрочемъ, этимъ путемъ достигаются у насъ полные сборы.

КОВНА. Опереточная труппа Борисова, игравшая съ 1-го октября въ нашемъ городскомъ театрѣ, 7-го декабря закончила свои спектакли и уѣхала въ Гродну, откуда на сѣмунѣй пріѣзжаетъ драматическая труппа того-же Борисова, предположающая пробывать у насъ до 1-го января. Съ новаго года въ городскомъ театрѣ начнутся спектакли малороссійской труппы Суслова.

Репертуаръ былъ слѣдующій: «Гейша» (8 разъ), «Бѣдная овечка» (6), «Куколка» (4), «Галька» (3), «Джиганскій баронъ» (3), «Продавецъ птицъ» (2) «Бокачіонъ» (2), «Нитунъ» (2), «Славный тѣстопла» (2), «Счастливчикъ» (2), «Розовое домино» (2), «Женское царство» (2), «Бѣлый Юнафанъ» (1), «Прекрасная Елена» (2), «Зеленый островъ» (2), «Палермо» (1), «Корневильскіе колокола» (1), «Путешествіе въ Китай» (1), «Нининъ» (3), «Мартинъ Рулоконъ» (1), «Бельвиллская дѣвка» (2), «Бродяги» (1), «Птичка пѣвчая» (1), «Ничій студентъ» (1), «Ригъ-Ригъ» (2), «Маскотта» (1), «Вице-адмиралъ» (1), «Малабарская вдова» (2), «Али-Баба» (1), «Жирофле-Жирофле» (1), «Модель» (2), и «Донъ Сезаръ-де-Базанъ» (1).

Промѣн бенефисы: г-жъ Муратовой («Москотта») и Соколовой («Жирофле-Жирофле») гг. Чабана («Вице-адмиралъ»), Эспе («Ригъ-Ригъ») и Донскаго («Али-Баба»), Градова («Малабарская вдова»), Кригеля («Модель»), Эспе («Донъ Сезаръ-де-Базанъ»). Наиболѣе удачиными изъ нихъ надлежитъ признать бенефисы г-жъ Муратовой и Соколовой. Муратова имѣла у насъ шумный успѣхъ. Г-жа Соколова—артистка опытная съ хорошо обработаннымъ голосомъ; на сценѣ держится прекрасно. Г-жа Чабанъ обладаетъ хорошимъ голосомъ и выразительной дикціей, но страдаетъ отсутствіемъ игры. Г-жу Собяну надлежитъ отбѣить, какъ артистку съ небольшимъ, но пріятнымъ голосомъ, требующимъ болѣе тщательной обработки. Г. Эспе—хорошій куплетистъ. Г-нъ Донской весьма хорошій комикъ и остроумный куплетистъ. Въ своихъ роляхъ онъ очень разнообразенъ, чего нельзя сказать о г-жѣ Донской, оказавшейся довольно слабой и однообразной комической старухой. Второю комикъ—г. Градовъ актеръ слабоватый. Вообще труппа страдала отсутствіемъ баритона и комиковъ: первый (г. Сальто) уѣхалъ въ началѣ сезона, а затѣмъ уѣхалъ и г. Жилингъ—1-й комикъ. Режиссерская часть, порученная гг. Эспе и Кригелю, была поставлена, за малыми недочетами, весьма хорошо. Хоры—маловаты и плоховаты.

Наибольшіе сборы дали «Гейша», «Модель», «Маскотта», «Женское царство». Въ художественномъ отношеніи слабѣе всѣхъ прошла «Галька», которую ставить было слишкомъ смѣло. Валовой сборъ былъ: въ 1-й мѣсяцъ—5953 р. 50 к., 2-й мѣс.—4200 руб. дефицитъ за 2 мѣсяца 2500 р.

Народный театръ въ настоящее время пустуетъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ (съ 21-го) русско-малороссійская труппа Суслова сыграла въ немъ 20 спектаклей, давшихъ прекрасные сборы.

Въ составъ труппы входили: г-жи Зарицкая, Шевченко, Полянская, Бутенко, Крамская, Борисенко, Базилевичъ, Макгогонъ, Миненко, Миссонтаго, Чиланова, Маршакъ, Рымаровская, Рубановская, Казбанъ; гг. Сусловъ, Манько, Левицкій, Василенко, Марьяненко, Борченко, Запорожскій, Клодницкій, Борисенко, Васильевъ, Жмурковъ, Саловскій, Гриненко, Левченко, Казбанъ. Хоръ женскій и мужской изъ 26 человѣкъ. Оркестръ изъ 16 человѣкъ подъ управленіемъ Малинина. Сборъ со всѣхъ спектаклей 3778 руб., на спектакль по 188 руб., при цѣнахъ: ложи 4 р. 60—3 р. 50, 1-й рядъ—1 р. 70 к. и послѣдній 25 коп., верхи—32 к. и 20—15 коп. Отъ насъ труппа уѣхала въ Вильну. 16 октября въ залѣ городской думы состоялся концертъ артистокъ Императорской московской оперы сестеръ Кристманъ. 19-го ноября въ городскомъ театрѣ былъ концертъ примадонны нью-йоркской оперы Альмы Пауэль и итальянскаго композитора Эженіо де

Пирани. Концертъ не оставилъ цѣльнаго впечатлѣнія, такъ какъ пѣвица, по словамъ мѣстной газеты, явилась пѣть сильно простуженной. Публики на концертѣ собралось очень немного. Сезонъ мѣстнаго музыкальнаго общества открылся 9 октября пьесой Островскаго «На бойкомъ мѣстѣ». Общество предполагаетъ, въ теченіи сезона, дать рядъ музыкально-вокальных вечеровъ и драматическихъ спектаклей.

Одинъ изъ февральскихъ вечеровъ будетъ посвященъ памяти Гоголя причемъ предложено устроить чтеніе о значеніи Гоголя, и поставить одну изъ его пьесъ съ аполоэозомъ. Тоже общество ассигновало 25 рублей на памятникъ Глинкѣ. Въ этомъ году музыкально-драматическое общество понесло тяжелую утрату: 18 сентября скончался Семенъ Павловичъ Вессвятскій, редакторъ «Прибавленія къ Ковенскимъ губернскимъ вѣдомостямъ», благодаря трудамъ котораго и неунышной энергіи названное общество въ 1899 г. возродилось послѣ долголѣтней спячки и въ настоящее время дѣятельно функционируетъ.

БѢЛОСТОКЪ. Дѣла антрепризы Смѣльской колеблются. Хотя спектакли по уменьшеннымъ цѣнамъ (два раза въ недѣлю: одинъ дневной, одинъ вечерній) даютъ полные сборы, тѣмъ не менѣе дефицитъ перваго мѣсяца съ трудомъ покрывается. «Дешевые» спектакли могли бы, пожалуй, вполне поддержать антрепризу, если бы театръ былъ болѣе разнообразенъ. Полный сборъ при уменьшенныхъ цѣнахъ даетъ: днемъ руб. 160; вечеромъ около 200 руб. Значительная часть публики уходитъ безъ билетовъ.

Съ 13 ноября начались бенефисы. Первыми бенефисами были М. Г. Межевой и Т. И. Страхова. Межевой ставилъ (13 ноября) свое же произведеніе «Среди честныхъ людей», а г-жа Страхова (22 ноября) «Грозу» — Островскаго. Затѣмъ состоялись слѣдующіе бенефисы: 29 ноября — режиссера М. И. Судбинина («Парижскіе нищіе»); 4 декабря — А. Н. Каренина («Потемки души») и 8-го декабря — антрепренери А. П. Смѣльской («Волшебная сказка»).

Удачнымъ и по исполненію и по сбору слѣдуетъ считать бенефисъ Т. И. Страховой. Бенефициантка, игравшая Катерину, выразительно исполнила свою роль. Удачно провели роли: Межевой (Кабановъ), Судбининъ (Кулигинъ) и Каренинъ (Дикой). — Хороши были также Козыревъ-Соколовскій, Луганцева, Максимова, Нелевъ и Романовъ. — Г-жа Тенишева — актриса со способностями, но иногда перенгиваетъ. Роль «полусумасшедшей барыни» она утрировала.

Бенефициантку очень тепло принимали. Были и подношенія.

Бенефисъ М. Г. Межевого собралъ сравнительно значительную публику. А. Н. Каренинъ въ своей бенефисъ роль Пытцова. Хотя нѣкоторые отгѣнки (особенно въ мимикѣ) ему не удалось, все же впечатлѣніе онъ произвелъ на зрителей сильное. Публика много аплодировала бенефицианту. Режиссеръ М. И. Судбининъ избралъ въ своей бенефисной пьесѣ роль Гастона. Игралъ, что называется, «съ подъемомъ». Наконецъ, нѣсколько словъ о бенефисѣ антрепренери А. П. Смѣльской («Волшебная сказка»). Бенефициантка играла Наталью Петровну. При появленіи на сцену она была встрѣчена аплодисментами. Этого общепринятаго обычая: — встрѣтить бенефиц. хлопкомъ здѣшняя публика при прежнихъ бенефисахъ почему-то не признавала. Сыграла пьеса довольно гладко. Изъ артистовъ выдѣлялись: Межевой, Каренинъ, Козыревъ и Большаковъ.

Съ начала ноября шли слѣдующія пьесы: «Право любить», «Рабочая слобода» (2 раза), «Докторъ Кошъ» (2 р.), «Огни Ивановой ночи», «Дядя Ваня» (2 р.), «Эсфирь, дочь Израилія» (2 р.), «Два подростка» (3 р.), «Среди честныхъ людей», «Гроза», «Трильби» (3 р.), «Парижскіе нищіе», «Потемки души», «Волшебная сказка», «Ревизоръ», «Лѣсъ», «Горе отъ ума», «Золото» (2 р.), «Материнская любовь» и «Идеалисты Талмуда».

Слабѣ другихъ пьесъ прошла комедія «Горе отъ ума». Почти половина исполнителей не знали своихъ ролей.

Г. Марсъ.

АСХАБАДЪ. 8 ноября прибыла въ Асхабадъ оперно-опереточная труппа Валентти въ слѣдующемъ составѣ: двѣ примдонны М. О. Фролова и М. О. Звѣздичъ — обѣ сопрано; на вторыроли г-жа Стефани; теноръ Рѣзуновъ, баритонъ Орловъ и нѣсколько третьестепенныхъ не выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ опереточныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Комки гг. Глуминъ, Щербаковъ, Шелеховъ и Громовъ.

Репертуаръ былъ слѣдующій: «Пыганскій Баронъ», «Боккаччо», «Красное Солнышко», «Продавецъ птицъ», «Адская любовь», «Бѣдный Ионафанъ», «Лиса Патрикѣвна», «Мадамъ Санъ-Женъ», «Чайный цвѣтокъ», «Гейша» и «Куколка». Послѣдняя оперетка ввиду настойчиваго желанія публики, благодаря живой игрѣ М. О. Фроловой была повторена три раза при хорошихъ сборахъ. Оперы шли двѣ: «Галька» и «Аскольдова Могила», но обѣ съ большими купюрами.

Изъ артистовъ слѣдуетъ отмѣтить г-жу Фролову, съ участіемъ которой въ теченіи мѣсяца прошло 25 спектаклей,

и между тѣмъ голосъ артистки былъ одинаково слышенъ и звученъ.

Г-жа Звѣздичъ тоже пользовалась значительнымъ успѣхомъ, нравилась публикѣ и г-жа Стефани. Изъ мужскихъ стяжали себѣ лавры пѣвцы Рѣзуновъ, Орловъ и Шелеховъ и комки Глуминъ и Щербаковъ, въ нѣкоторыхъ роляхъ хороши были и г. Громовъ, но онъ артистъ старой школы, часто впадающій въ шаржъ.

Сборы достигали до 800 руб.; на кругъ вышло около 400 руб. за спектакль.

И.—ч.

БАКУ. Армянская труппа давала «Гамлетъ», 10 декабря, въ театрѣ Тагьева. Сборъ былъ очень великъ. Во-первыхъ, нисколько намъ не вѣстно, со времени Азатяна еще никто не выступалъ въ этой роли на армянской сценѣ, а во-вторыхъ «Гамлетъ» играла женщина. Великая задача искусства — кунстштюкъ, заставляя публики и хватаніе сборовъ, то цѣль достигнута, но мы подобные фортели называемъ профанацией искусства. Исполнители, вообще, нисколько не подготовлены для исполненія пьесъ Шекспира. Жаль было «смотреть какъ коверкали «Гамлетъ». Что касается г-жи Спрангунъ — «Гамлетъ», этой почтенной артистки, которую намъ приходилось видѣть въ нѣкоторыхъ хорошихъ ея роляхъ, то къ ней то и нужно относиться особенно строго. Какъ бы талантливо ни играла женщина «Гамлетъ», — выходитъ все равно вздоръ. Въ сценѣ, напр., съ Офеліей, когда Гамлетъ спрашиваетъ «любилъ ли ты когда-нибудь» изъ устъ г-жи Спрангунъ эта фраза вышла какъ бы изъ устъ сонеринны. Послѣ ухода короля въ сценѣ на сценѣ, вмѣсто саркастическаго хохота, у нея вышла лучшая женская истерика «Быть или не быть» прошла безслѣдно. Не мудрено, что публика вышла изъ театра неудовлетворенной. Многие не дождались конца.

Виды-Ханъ.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. По воскресеньямъ и большимъ праздникамъ въ городскомъ театрѣ ставятся два спектакля. Утромъ по уменьшенной платѣ театръ посѣщается почти исключительно учениками и ученицами учебныхъ заведеній. Спектакли эти имѣютъ огромный успѣхъ, благодаря избранному репертуару. Утренніе спектакли до 1 декабря было двѣнадцать. Ученическихъ билетовъ было продано 4625 и безплатно разослано г. Незлобинскимъ по разнымъ учебнымъ заведеніямъ 1400. Каждый ученичскій билетъ стоитъ 22 к. и ученикъ занимаетъ любое свободное мѣсто въ театрѣ. На вечернихъ спектакляхъ ученики платятъ 42 к. и обыкновенно имъ отводятся свободныя мѣста въ ложахъ. Такихъ билетовъ по 28 ноября было продано 1673.

Серія бенефисовъ продолжается. Въ бенефисъ г. Грузинскаго шла «Педагогъ». Пьеса имѣла шумный успѣхъ, но послѣ втораго представленія была снята съ репертуара по распоряженію здѣшней администраціи, вѣроятно потому, что кое что оказалось слишкомъ близкимъ къ дѣйствительности. Г-жа Нелюбова выбрала для своего бенефиса пьесу «Подъ колесомъ». Бенефициантка имѣла заслуженный успѣхъ, но сама пьеса успѣха не имѣла, такъ-же, какъ и «Ирининская община».

—денъ.

Репертуаръ Императорскихъ Спб. театровъ,

съ 26-го по 30-е декабря 1901 года.

Александринскій театръ. 26-го декабря. Утромъ: «Много шуму изъ ничего». — Вечеромъ: «Ирининская община». — 27-го. Утромъ: «Недоросль». — Вечеромъ: бенефисъ г-жи Левкѣвой «Грѣхъ да бѣда на кого не жинетъ», др. — Въ 1-й разъ: «Оруженосецъ», драм. сказка. — 28-го. Утромъ: «Старый за-калъ». — Вечеромъ: «Лишенный правъ». — 29-го. Утромъ: «Сибгурочка». — Вечеромъ: «Чародѣйка». — 30-го. Утромъ: «Сонъ въ лѣтнюю ночь». — Вечеромъ: «Комета».

Михайловскій театръ. 26-го декабря. Вечеромъ: «Pour être aimé». — 27-го. Вечеромъ: «Pour être aimée». — 28-го. Вечеромъ: «Yvette». — 29-го. Вечеромъ: «Bénéfice de m-r Paul Reney. «Crime et châtement». — 30-го. Вечеромъ: «Crime et châtement».

Маринскій театръ. 26-го декабря. Утромъ: «Синяя борода». — Вечеромъ: «Волшебный стрѣлокъ». — 27-го. Утромъ: «Конекъ Горбуну». — Вечеромъ: «Гугеноты». — 28-го. Утромъ: «Щелкунчикъ», «Волшебная флейта». — Вечеромъ: «Дубровскій». — 29-го. Утромъ: «Царская невѣста». — 30-го. Утромъ: «Фаустъ». — Вечеромъ: «Сильвия», «Привалъ Кавалеріи».

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Для ослабѣвшихъ, одержимыхъ нашлемъ мальць-экстрактъ и леденцы фабрики

„ДЕЛИВА“

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5, существуетъ съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ. Остерегаться поддѣлокъ.

№ 4420. 10-8.

Театръ „ФАРСЪ“.

ЗДАНИЕ ПАССАЖА, Невскій, 48. В. Итальянская, 19. (Главный подъездъ съ В. Итальянской ул.). **Телефонъ № 2779.**

Дирекція: **В. А. Казанскій.**

Репертуаръ съ 21-го Декабря по 1-е Января 1902 г.

Среда, 26-го: 1) въ 9-й разъ, „Любовный маскарадъ“, фарсъ въ 3 д.; 2) въ 12-й разъ, „М-ше Коралли и К^о“, фарсъ въ 3 д. Четвергъ, 27-го: 1) въ 9-й разъ, „Анонимы“, фарсъ въ 3 д.; 2) во 2-й разъ, „Заяцъ“, фарсъ въ 3 д. Пятница, 28-го: 1) въ 4-й разъ, „Жертва поцѣлуевъ“, фарсъ въ 3 д.; 2) въ 4-й разъ, „Мамзель Турбильтонъ“, фарсъ въ 3 д. Суббота, 29-го: 1) въ 14-й разъ, „Столичное просвѣщеніе“, фарсъ въ 3-хъ д.; 2) въ 10-й разъ, „Любовный маскарадъ“, фарсъ въ 3 д. Воскресенье, 30-го: 1) въ 8-й разъ, „Поленики“, фарсъ въ 3 д.; 2) въ 6-й разъ, „Принюченія fin de siecle“, фарсъ въ 3 д.; 3) въ 10-й разъ, „Принцъ Чу-Тыфу-Чинъ“, фарсъ въ 3-хъ д. Понедѣльникъ, 31-го: 1) въ 3-й разъ по воз., „Мѣсто женщины“, фарсъ въ 3-хъ д.; 2) въ 5-й разъ, „Мамзель Турбильтонъ“, фарсъ въ 3 д. Вторникъ, 1-го Января: 1) въ 3-й разъ, „Заяцъ“, фарсъ въ 3-хъ д.; 2) въ 13-й разъ, „М-ше Коралли и К^о“, фарсъ въ 3-хъ д.

Репертуаръ составленъ предположительно и можетъ быть измѣненъ по независящимъ отъ дирекціи обстоятельствамъ.

Начало спектаклей въ 8 ч. вечера.

Билеты на всѣ объявленные по репертуару спектакли можно получать ежедневно въ кассѣ театра съ 10 ч. утра.

Билеты, заказанные по телефону, сохраняются до 7 1/2 ч. веч., послѣ чего поступаютъ въ общую продажу.

Главный администраторъ **А. И. Ивановъ.**

КАРАМЕЛЬ

изъ травъ отъ кашля

„КЕТТИ БОССЪ“

Б. Семадени, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, С.-Петербургъ, Гороховая 33. Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается вездѣ.

4419 13-5

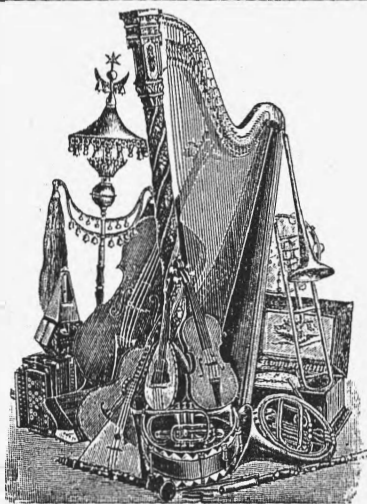
Н. Г. Шумовъ

Драмат. любовникъ свободенъ на лѣтній сезонъ 1902 г. и зимній 1902—3 г. Адр. до В. поста: Херсонъ, театр; съ 1-ой недѣли В. поста: С.-Петербургъ, Торговая, 27. Въ Москвѣ и въ бюро—не буду. № 4372 2-1.

Оттиски пьесы

„Дѣти Ванюшина“

въ 4 д. С. А. Найденова (премированной на конкурсѣ Литер. Худож. Общества) высылаются наложеннымъ платежомъ. Ц. 2 руб. Изд. журнала „Театръ и Искусство“.

ВСЕВОЗМОЖНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА

По умѣреннымъ цѣнамъ.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Вол. Морская, № 34.

Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Захарьина. 1410 3-3

Прейсъ-курантъ бесплатно.

Имѣется во всѣхъ лучшихъ ресторанахъ и виноторговляхъ.

25-8

Вышла изъ печати новая пьеса

„ХЛѢБА и ЗРѢЛИЩЪ“

перед. изъ ром. А. К. Шеллера-Михайлова, г. Соболевичевымъ-Самаринымъ. Изд. жур. „Театра и Искусства“. Ц. 2 р.

На дняхъ выйдетъ изъ печати новая пьеса, получившая премію на конкурсѣ Литер.-Худож. Общества.

„Милліоны въ огнѣ“.

Жданова ц. 2 р.

Высылаются наложеннымъ платежомъ.

Вышла въ свѣтъ новая пьеса по повѣсти **МАКСИМА ГОРЬКАГО**

„Ома Гордѣевъ и Маякинъ“

драма въ 5 дѣйств. А. П. Бурдъ-Восходова, цѣна экземпляру 50 коп.

Обращаться: С.-Петербургъ, Николаевская 31, бюро Русск. Театр. Общества.

4436 3-2

Залъ Дворянскаго Собранія.

Въ субботу, 29-го декабря 1901 г., ровно въ 8 часовъ вечера, въ пользу общества „ЯСЛИ“, состоящаго подъ покровительствомъ Е. И. В. Великой Княгини Ксении Александровны, состоится ежегодный большой

СИМФОНИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ

(организованный солисткой Ею Величества М. И. Долиной) при участіи оркестра Императорской оперы подъ управленіемъ извѣстнаго французскаго композитора и дирижера

Альфреда Брюко.

при участіи г-жи М. И. Долиной, перваго тенора королевскихъ національных оперъ въ Прагѣ и Буда-Пештѣ Карла Вуриана, знаменитыхъ французскихъ артистовъ: пианиста Люсьена Вюльмерса и солиста-скрипка Жака Тибо (изъ Парижа).

Программа объявлена въ афишахъ и выставлена въ указанныхъ ниже магазинахъ. Концертный рояль фабрики К. Шредеръ. Пянино фабрики Оффенбахеръ и К^о (Невскій, 66). Аккомпанировать будетъ г-жа П. П. Вельяшева.

Начало ровно въ 8 часовъ.

Билеты оставшихся первыхъ пяти рядовъ и для лицъ, имѣющихъ право занимать мѣста около Царской ложи (отъ 10 до 7 р.) можно получать у кн. М. С. Щербатовой (Артиллерійская ул., д. № 6). Всѣ остальные нумерованныя мѣста, съ 24 декабря, отъ рубля до 5 р. только въ музыкальномъ магазинѣ Иогансена (Невскій, 50). Билеты для учащихся также въ магазинахъ Циммерманъ, „Новаго Времени“ и „Сѣверная Лира“ (Владимірская, 2).

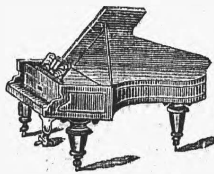
1896

ФОРТЕПІАННАЯ ФАБРИКА

Ф. МЮЛЬБАХЪ

Существ. съ 1836 г.

С.-Петербургъ, Офицерская, 3.

РОЯЛИ отъ 550 р.
ПІАНИНО отъ 450 р.

Фирма получила на разн. междун. выставкахъ 16 медалей, въ томъ числѣ 10 золотыхъ. 4421 1—1

Иллюстрированный прейсъ-курантъ **БЕЗПЛАТНО**.

Подъ артист. руковод. своб. художн. Э. Я. Длусскаго.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

М. Г. ЮЗЛЬСОНЪ.

Принимаетъ ежедневно отъ 11 до 9 ч. веч.

Лечение. Пломбированіе.

Удаленіе и вставленіе искусственныхъ зубовъ.

Вознесенскій пр., д. 21, зв. 8.

Помощь постоянная.

Во всѣ книжные магазины, „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ поступилъ въ продажу большой художественный „Альбомъ дѣятелей литературы и искусства“. Текстъ З. Б. Осетрова. Цѣна альбому безъ переплета 3 руб. 50 коп.

Альбомы въ продажѣ также и въ другихъ магазинахъ С.-Петербурга.

Одновременно съ Альбомомъ поступилъ въ продажу и VI-томъ народныхъ пѣснь соч. Осетрова.

Драматическій режиссеръ

А. И. ТУНКОВЪ

свободенъ на сезонъ 1902 г.

4432 3—3

4407 4—1

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

В. БЕССЕЛЬ и К^о,

С.-Петербургъ, Невскій, 54, — Москва, Петровка, 12.

честь имѣть объявить, что композиторъ Н. А. Римскій-Корсаковъ поручилъ ему заключеніе договоровъ на право и исполненія его оперъ:

„Боярыня Вѣра Шелого“, „Майская ночь“, „Млада“, „Моцартъ и Сальери“, „Сказка о царѣ Салтанѣ“, „Ночь передъ Рождествомъ“, „Псковитянка“, „Садко“, „Севиля“, „Сѣнгулочка“, „Царская невеста“.

Одинаковое право предоставлено гг. **В. Бессель и К^о** относительно оперъ:

„Дѣвица русалка“ — П. Бларамберга, „Сноморохъ“ — П. Бларамберга, „Тушинцы“ — П. Бларамберга, „Анжелло“ — П. Кюи, „Вильямъ Ратклиффъ“ — П. Кюи, „Наказный пѣнникъ“ — П. Кюи, „Корделія“ — Н. Соловьева, „Опричникъ“ — П. Чайковского.

Потный матеріалъ всѣхъ этихъ оперъ, а равно и оперъ „Борисъ Годуновъ“ и „Хованщина“ М. П. Мусоргскаго имѣется въ готовности для продажи и для проката. 4438 1—1

„ROMANCE“

Paroles de Fr. Coppée.

S. YOUNGEROFF, Op. 6: № 2.

Andante. *p*

Quand vous me mon-trez u-ne
Какъ толь-ко взгля-ну я на

Andante. *p*

ro-se Qui s'e-pa-ra-tion sous l'a-zur,
ро-зы, Ду ма-сты ца-ри цу-цвѣ-токъ,

pp

Pour-quoi suis-je a-lors plus mo-ro-se? Quand
За-чѣмъ я не-за-лечу все бо-лѣ? Лишь.

p

rit. *p*

vous me mon trez u ne ro se, C'est que je pense a son front pur. Quand
 градъ ко вага-ну л на ро зу, О чи-сто-мъ меч та ю чо-лѣ. Въ про-

ritard.

ten.

vous me mon trez une é - toi - le. Pour - quoi les pleurs, comme un brouillard
 странствѣ-ль мнѣ-звѣдо-ч-ка блес-нетъ, За - чѣмъ же по - доб - но ту - ма - ну

p

pp

Sur mes yeux jet tent-ils leur voi - le? Quand vous me mon trez une é -
 Гла-за за-ста-ла-етъ сле-зо-ю? Въ про-странсти-ль мнѣ-звѣдо-чки

f *p*

rit. *p* *ten.*

toi là, C'est que je pense à son re-gard. Ouand vous me mon-trez l'hi-ron - del - le Qui
 блаженъ, О. свѣтлыхъ мо-чта - ю о-чакъ. Лез титъ-ли по воз-ду-ху птич-ка, Про-

rit. *p*

pp

part jusqu'au pro - chain av - ril, Pourquoi mon âme se meurt - el - le? Ouand
 щался до но - вой вес-ны, Зачѣмъ вся ду-ша за - ми - ра-етъ? Ле -

sf *p*

rit.

vous ne mon-trez l'hi-ron - del - le, C'est que je pense à moi-même - xil.
 титъ-ли по воз-ду-ху птич-ка, О ссы-лкѣ меч-та - ю сво-ей.

rit. *pp*

BARCAROLLE

Pour le piano

Oscar SCHULZ.

Op. 17. — N° 1.

Allegretto (46 = ♩)

PIANO

p

poco cresc.

p

rit.

4 2

First system of musical notation, measures 1-4. The key signature has two sharps (F# and C#). The melody in the treble clef features a sequence of eighth and sixteenth notes, with a 4-measure rest in the first measure. The bass line consists of quarter and eighth notes.

p

Second system of musical notation, measures 5-8. The melody continues with eighth and sixteenth notes. The bass line includes fingerings (1, 2, 3, 4) and a 2-measure rest in the fifth measure. Dynamics include *p* (piano).

p

Third system of musical notation, measures 9-12. The melody features a 5-measure rest in the first measure, followed by eighth and sixteenth notes. The bass line continues with quarter and eighth notes. Dynamics include *p* (piano).

Fourth system of musical notation, measures 13-16. The melody continues with eighth and sixteenth notes. The bass line includes fingerings (5, 4, 2, 1) and a 5-measure rest in the first measure. Dynamics include *p* (piano).

ten. *crusc.* *ten.* *mf*

Fifth system of musical notation, measures 17-20. The melody features a 2-measure rest in the first measure, followed by eighth and sixteenth notes. The bass line includes fingerings (3, 2, 1, 3) and a 3-measure rest in the first measure. Dynamics include *ten.* (tension), *crusc.* (crescendo), *ten.* (tension), and *mf* (mezzo-forte).

mp *p* *p*

Sixth system of musical notation, measures 21-24. The melody continues with eighth and sixteenth notes. The bass line includes fingerings (4, 2, 1, 2, 1, 4, 5) and a 4-measure rest in the first measure. Dynamics include *mp* (mezzo-piano), *p* (piano), and *p* (piano).

First system of musical notation. The treble staff features a series of ascending and descending eighth-note runs, with fingerings 4 1, 2 1, 4 1, and 4 1 indicated above. The bass staff provides a harmonic accompaniment. The tempo marking *marcato* is present in the bass staff, and *poco marc.* appears in the treble staff.

Second system of musical notation. The treble staff continues with eighth-note patterns, including a triplet marked with a '3'. The bass staff has a dynamic marking of *p* at the beginning and *mf* later. Fingerings 4 2 and 7 are shown.

Third system of musical notation. The treble staff shows more complex eighth-note figures with fingerings 2 1, 3 1 4, 2 3 1, and 1. The bass staff has a dynamic marking of *p cresc.*

Fourth system of musical notation. The treble staff features a series of chords and short melodic fragments. The bass staff has a dynamic marking of *p* and continues with a steady eighth-note accompaniment.

Fifth system of musical notation. The treble staff has a dynamic marking of *p* and includes a *Tempo* marking. The bass staff has a dynamic marking of *p* and a *poco rallent.* marking.

Sixth system of musical notation. The treble staff features a series of chords and short melodic fragments. The bass staff continues with a steady eighth-note accompaniment.

„ВЗОШЛА ЛУНА“ РОМАНСЪ.

Слова К. Р.

Музыка Г. В. ГОТА.
Op. 15. N° 2.

Canto. *Andantino. mf animato*

Взошла лу - на по - лу - ночь про - сл - я - ла и ордь иѣ.

Piano. *Andantino.*

f più mosso

мой волшеб - ной ти - ши - ны Пѣснь со - ло - вя такъ слад - ко про - нѣу.

più mosso

f

a tempo

ча - ла съ ла - во - ре - вой про - лив - шись вы - ши - ны

a tempo

p

ff

ты по . лю . би . ла, я лю . бимъ то . бо . ю воя . мож . но

ff

dim. *f con moto*

мнѣ, о другъ те . бя лю . биты! и ны . нѣ пѣ . сню я шлю . юсь те .

dim. *con moto* *f*

a tempo *poco riten.* *a tempo* *f*

- ко . ю Ка . ку . ю ты мо . гла лишъ вдох . но . вить. Ка . ку . ю

poco riten. *a tempo* *p*

p dim. rit. *p*

ты мо . гла лишъ вдох . но . вить.

p rit. *p* *ppp*

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 22 Декабря 1901.

«ПОГРАФИ СПЕ. Т-ВА ПЕЧ. И ИЗД. ДѢЛА „ТРУДЪ“